

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. В. АРЦИХОВСКИЙ и М. Н. ТИХОМИРОВ

НОВГОРОДСКИЕ
ГРАМОТЫ
НА
БЕРЕСТЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

А. В. АРЦИХОВСКИЙ и М. Н. ТИХОМИРОВ

НОВГОРОДСКИЕ
ГРАМОТЫ
НА
БЕРЕСТЕ

(из раскопок 1951 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1953

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик Б. Д. ГРЕКОВ

В В Е Д Е Н И Е

Советская археологическая наука, благодаря вниманию партии и правительства, получила в послевоенные годы возможность увеличить площади раскопок и проводить их более усовершенствованными методами. Это привело к ряду крупных открытий. Одному из них, а именно находке берестяных грамот в 1951 г. Новгородской археологической экспедицией, и посвящена настоящая статья.

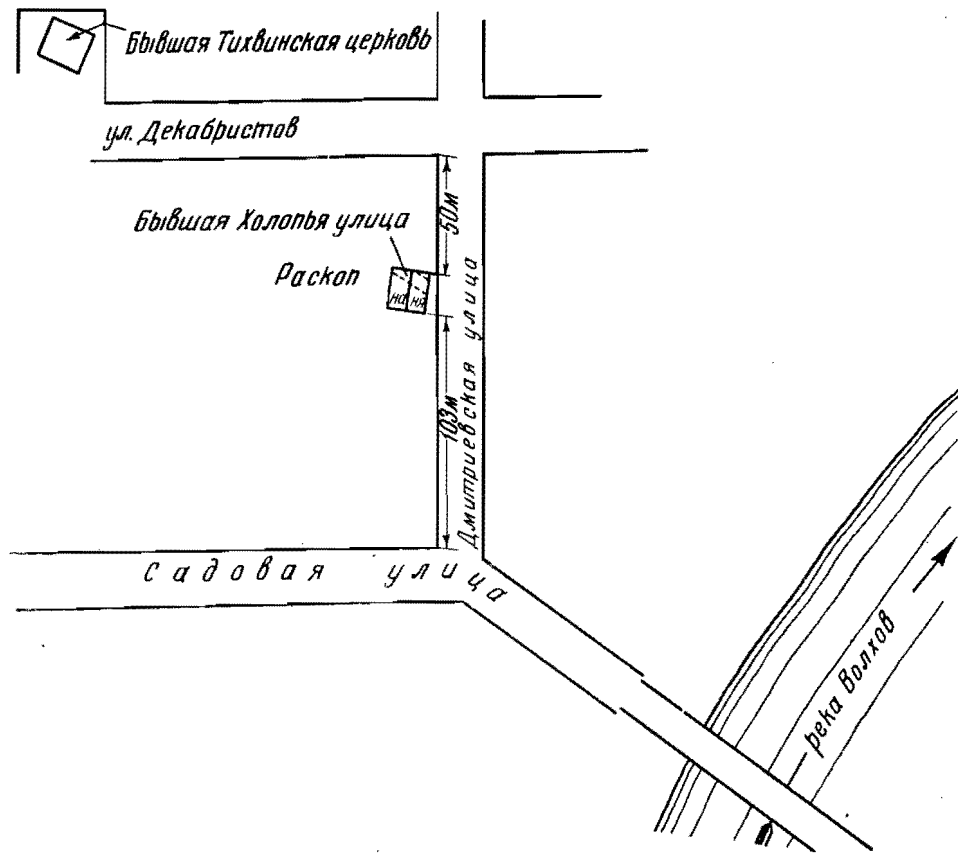
Начальником Новгородской экспедиции был автор этих строк, заместителем его — Б. А. Колчин. Экспедиция получила большие средства и смогла широко применить для отвоза земли механизмы, благодаря чему удалось исследовать мощный слой, недоступный в довоенные годы. Исследование этого слоя дало науке много ценных материалов, в том числе и берестяные грамоты — совершенно новую категорию исторических источников.

Здесь невозможно говорить о раскопках 1951 г. в целом. Найденные, помимо грамот, материалы заслуживают специального исследования. Эта публикация всецело посвящается берестяным грамотам и надписям на предметах.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию грамот, надо дать краткие топографические сведения о месте их находки. Все они найдены в Новгороде на Софийской стороне, на территории Неревского конца. Здесь, в центральной части города, был заложен в 1951 г. квадратный раскоп площадью 18 на 18 м (итого 324 м²). Ниже он именуется Неревским раскопом в отличие от новгородских раскопок 1951 г. в другом месте. Этот раскоп находился на современной Дмитриевской улице, параллельной Волхову, и пришелся на территорию древней Холопьевой улицы, шедшей от Волхова. Местоположение последней было неверно намечено при довоенных археологических работах Новгородского музея; более точные топографические промеры установили теперь, что она была ближе к Кремлю, чем предполагали. Основой для промеров послужил геодезический план города XVIII в., снятый до екатерининской перепланировки; на нем нанесены все старинные улицы, восходящие к древнему Новгороду (копия этого плана хранится в Новгородской специальной

проектно-реставрационной мастерской). Раскопками вскрыты деревянные мостовые Холопьевой улицы, составлявшие 25 ярусов (от X до XVI в.).

Восточная стенка Неревского раскопа вплотную примыкала к западной (левой) стороне современной Дмитриевской улицы, между улицами Садовой

Современный план местности раскопа

и Декабристов. От угла Садовой улицы до юго-восточного угла раскопа расстояние 103 м, от северо-восточного его угла до угла улицы Декабристов — 50 м. Раскоп был разделен на квадраты площадью 2 на 2 м. Общее их количество 81, нумерация шла столбцами с севера на юг, начинаясь с СЗ угла. Но были еще квадраты 82—90. Дело в том, что по соображениям техники безопасности пришлось устроить уступ, прилегающий к раскопу с востока. Сотрясения от проходивших по Дмитриевской улице автомобилями вызвали бы в противном случае обвал. Ширина уступа 2 м, он тянулся во всю длину раскопа, состоял из 9 квадратов (порядок нумерации тот же) и, в отличие от основного раскопа, не был

и не мог быть доведен до материка. По вертикали раскоп был разделен на 4 слоя, 25 строительных ярусов и 37 пластов. Толщина каждого пласта равна 20 см (каждый раз для ряда точек это проверялось при помощи нивелира).

К бересте, находимой в Новгороде, отношение и при раскопках прошлых лет было внимательное. Это определялось свидетельством о применении бересты в древней Руси для письма. Иосиф Волоцкий писал про Сергия Радонежского: «В обители блаженного Сергия и самые книги не на хартиях писаху, но на берестех». Но такие книги до нас не дошли, а о грамотах можно было только догадываться. До 1951 г. береста встречалась при раскопках в сравнительно небольших количествах. Неревский раскоп с его небывалой мощностью слоя и обилием растительных остатков дал огромное количество бересты, некоторая ее часть оказалась исписанной.

До этих раскопок были известны только русские берестяные рукописи XVII, XVIII и XIX вв. Но в этот период на бересте писали чернилами. Между тем береста, подобно другим растительным веществам, сохраняется в земле в двух случаях: если очень сухо и если очень сыро. В Новгороде сыро, и чернила должны сохраняться там плохо. Именно поэтому, между прочим, маловероятны открытия при раскопках пергаменных грамот, тоже распространенных в древней Руси. Хотя пергамен хорошо сохраняется в земле, но на нем писали только чернилами.

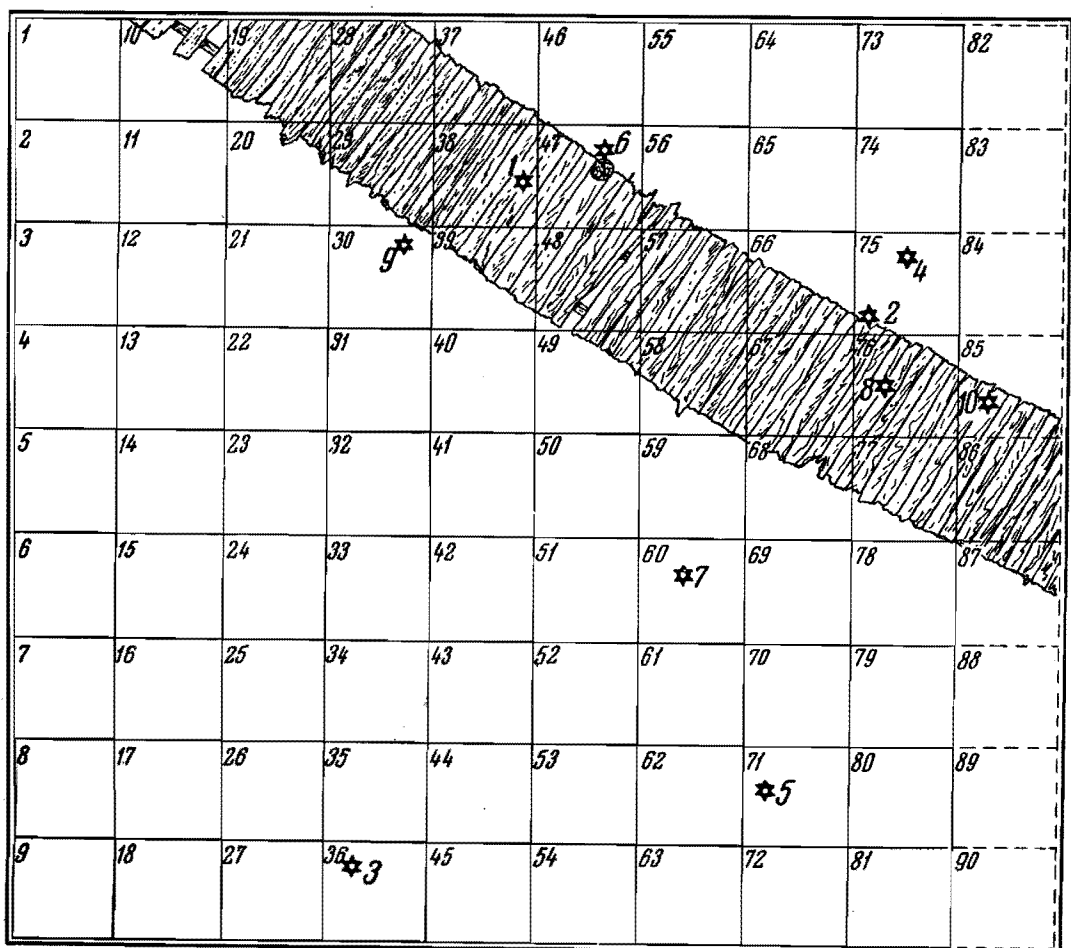
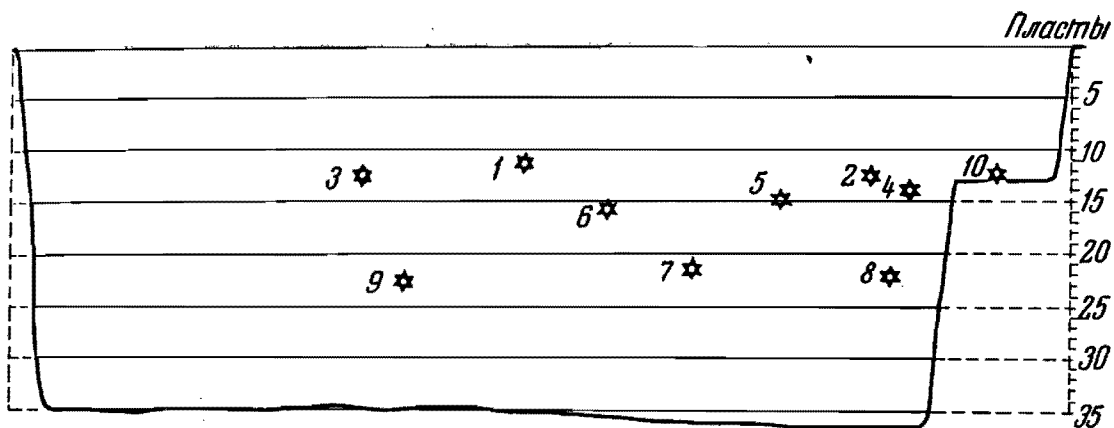
Что же касается найденных в Неревском раскопе грамот, то, к счастью, надписи на бересте наносились процарапыванием, что обеспечило им значительно бóльшую сохранность.

При раскопках на несколько сот пустых берестяных свитков приходился один исписанный. Пустые свитки, ничем или почти ничем по общему облику не отличающиеся от грамот, служили, очевидно, поплавками или просто были выброшены при отделке бревен. Их все надо было внимательно рассмотреть, иначе мы не нашли бы ни одной грамоты.

Буквы нанесены, как правило, на внутреннюю поверхность березовой коры, более гладкую. При свертывании в свиток эта внутренняя поверхность оказывается наружной стороной. Только грамота № 2, в отличие от всех остальных, имеет текст на обеих сторонах. Березовая кора для грамоты бралась полностью, во всю толщину. В XVII—XIX вв. было иначе; тогда, говоря словами Е. Ф. Карского, «брали самый верхний тонкий слой бересты»¹. Это и понятно: тонкий слой необходим для письма чернилами, тогда как толстый — для процарапывания. А. И. Соболевский ошибался, думая, что древние грамоты, написанные на бересте, не дошли до нас «по причине ее крайней непрочности»². Найденные теперь грамоты, безусловно, прочнее не только бумажных, но и

¹ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 109.

² А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. СПб., 1901, курс. 1, стр. 30.

Вертикальная и горизонтальная проекции раскопа с обозначением мест находок всех грамот и деревянной мостовой

пергаменных; дело лишь в том, что в архивах подобные частные письма и записи не хранились.

Изучение букв позволяет утверждать, что они нанесены костяными орудиями (железные были бы слишком остры, деревянные недостаточно остры; медные, пожалуй, были бы возможны). И действительно, это предположение оказалось верным: инструмент для писания на бересте удалось найти в том же раскопе, где найдены все грамоты (пласт 14, квадрат 71, наслоения XIV в.). Это изогнутый и заостренный книзу костяной стержень, отполированный до блеска, с отверстием сверху, позволявшим привешивать его к поясу. На современной бересте он оставляет такие же линии, из каких состоят все буквы на грамотах.

Грамоты найдены в виде свитков. Теперь они после промывки в горячей воде с содой расправлены, зажаты между стеклами и в таком виде помещены в гипсовые формы, где благополучно (т. е. без новых трещин) высыхают. Эту работу провел ученый-реставратор А. В. Кирьянов.

Особо надо подчеркнуть, что находки 1951 г. ни в коей мере нельзя считать каким-либо архивом. Для этого они слишком далеко друг от друга залежали: расстояния между ними слишком велики как по горизонтали, так и, что особенно важно, по вертикали. Две грамоты найдены на самой улице, между ними было десять мостовых, т. е. двухметровая толщина, сплошь заполненная деревянными настилами и нараставшая в течение трех веков. Неизменное залегание более поздних по форме букв грамот сверху и более ранних внизу доказывает, что в землю они попадали разновременно и случайно. Это открывает самые радужные перспективы дальнейших раскопок. Перед нами не отдельная находка собрания документов; культурный слой данного городского участка равномерно насыщен грамотами, которые и сейчас лежат в тех местах, где они были утеряны или выброшены древними новгородцами, подобно тому как теперь теряются или выбрасываются бумаги. Чем больше раскопок будет производиться, тем больше они дадут драгоценных свитков березовой коры, которые в конце концов станут такими же источниками для истории Новгорода Великого, какими для истории эллинистического и римского Египта являются папирусы.

Семь грамот являются частными письмами (№ 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9). Само существование в древней Руси частных писем было до сих пор неизвестно. Они знакомят нас с разными сторонами жизни и быта Новгорода, затрагивают юридические и экономические вопросы; политических вопросов найденные экземпляры не касаются, но вообще и эта сторона истории будет, вероятно, отражена в письмах. Поэтический текст (грамота № 10) говорит о том, что мы сможем обнаружить на бересте и произведения древнерусской литературы. Две грамоты являются хозяйственными документами. Одна из них (№ 2) интересна для истории мехоторговли и русско-чудских связей. Другая (№ 1) существенно дополняет и углубляет наши сведения по истории феодальных повинностей. Новгородским

феодалным повинностям конца XV в., исчисленным в писцовых книгах, посвящено уже множество исследований; теперь мы можем глубже осветить этот вопрос. Счет в этой грамоте ведется еще в бѣлках, приведены неоднократно их цифры. Для обозначения повинностей много раз употреблены термины **позем** и **дар**. Эти термины в новгородских писцовых книгах употребляются уже редко, в виде пережитков (они заменены там терминами **доход** и **оброк**).

Даты находок грамот: грамота № 1 — 26 июля, № 2 и 3 — 27 июля, № 4—30 июля, № 5 — 31 июля, № 6 — 3 августа, № 7 — 18 августа, № 8—22 августа, № 9 — 23 августа, № 10 — 28 августа 1951 г.

Грамоту № 10, строго говоря, трудно назвать грамотой. Она представляет собой надпись на берестяном ободке сосуда. Но она включена в общую нумерацию берестяных грамот, поскольку написана на бересте той же техникой, что и остальные, и тоже дает длинный связный текст. Слово «грамота» употреблялось в древней Руси и в значении «надпись», например можно привести по этому поводу текст Козмы Индикоплова: «Весь же мрамор исполнен грамот еллинских»; известны и другие случаи такого словоупотребления.

Описание новгородских грамот на бересте и надписей на предметах частично издано автором этих строк в двух предварительных сообщениях¹. При этом там было оговорено, что «цифры веков... предварительны, однако существенных изменений не предвидится». В настоящем издании текст грамот подготовлен к печати и комментирован членом-корреспондентом Академии Наук СССР М. Н. Тихомировым. Им же по форме букв установлены палеографические даты. Даты эти для грамот № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 совпали с предварительными датами, грамоты № 1 и 10 оказались моложе, чем предполагалось, впрочем, не намного.

В предварительных сообщениях я коснулся и содержания грамот. Больших разногласий между мною и М. Н. Тихомировым по этим вопросам нет. Во многом он пошел дальше меня. Некоторые разногласия в подобных толкованиях неизбежны. Там, где я имею особые мнения, это ниже оговаривается. Издаваемые в этой книге прориси выполнены М. Н. Кисловым, который помогал и в прочтении грамот, производил сверку прорисей и транскрипций с подлинниками.

Грамоты ценны не только как исторический источник. Филологи, несомненно, используют их для истории русского языка, тем более, что речь здесь не книжная и не канцелярская, а самая непринужденная. История русского языка создается в наши дни на основе гениальных указаний И. В. Сталина, и открытие новых источников древней русской письменности приобретает теперь особое значение. Надо полагать к тому же, что берестяные грамоты будут найдены не только в Новгороде, но и в других русских городах, где сохраняются дерево и береста, например, в Ладого, Белоозере, Вологде, может быть в Москве, а

¹ См. «Вопросы истории», 1951, № 12 и «Вестник Академии Наук СССР», 1951, № 12.

также в некоторых польских и чехословацких городах. Новгородские находки интересны и тем, что они лишней раз опровергают распространенный предрассудок, будто грамотность в древней Руси была привилегией духовенства. Мы видим теперь, что рядовые светские новгородские граждане писали друг другу письма по бытовым вопросам, и подобных писем, очевидно, было много, судя по количеству случайных находок в разных слоях небольшого раскопа.

Широкое распространение грамотности в Великом Новгороде доказывается и надписями на предметах, преимущественно деревянных (публикация надписей является здесь естественным дополнением к публикации грамот). Нами были найдены надписи и при прошлых раскопках (1947 и 1948 гг.)¹, позволявшие утверждать, что грамотны были не только граждане, метившие имущество своими именами и инициалами, но и их соседи, для которых эти пометки предназначались (инициалы встречаются особенно часто). В 1951 г. были найдены надписи различных новых типов. Остановлюсь на одной из них. Это — большая буква А, вырубленная тремя ударами плотницкого топора на массивном бревне первого венца сруба. Перед нами номер венца, цифра 1. На Руси издревле был распространен обычай перевозить готовые срубы в разобранном виде и собирать их на новом месте. Венцы при этом метились зарубками, число которых означало номер венца; так было до XX в. Но в древнем Новгороде грамотный плотник для других грамотных плотников метил венцы цифрами.

Новгород Великий — яркое и своеобразное историческое явление. Значение его в истории нашей родины огромно. Но летописные и иные известия о Новгороде сравнительно немногочисленны. Безусловно, письменные источники могут быть дополнены вещественными. Раскопками добыто уже немало новгородских вещественных древностей и еще больше, конечно, будет обнаружено; для исторических выводов они тоже очень ценны. Но теперь археологи научились добывать и письменные источники. Находки 1951 г. — только начало. Грамоты на бересте, которыми, очевидно, насыщен культурный слой Неревского раскопа, должны быть извлечены из земли и должны стать достоянием науки. Содержание их чрезвычайно разнообразно, что открывает неограниченные возможности познания новгородской истории.

А. В. Арциховский

¹ Четыре надписи, найденные тогда на Ярославовом дворце при раскопках автора настоящей статьи, издаются в этой книге (см. надписи № 6, 7, 8, 9).

М.Н.ТИХОМИРОВ

ГРАМОТЫ и НАДПИСИ

Г Р А М О Т Ы

Грамоты на бересте, найденные в Новгороде, являются уникальными памятниками русской письменности. До сих пор известны были только написанные на бересте рукописи более позднего времени, хотя и были свидетельства об употреблении берестяных книг в Троице-Сергиевом монастыре при жизни его основателя (XIV в.). Кроме того, известны золотоордынские рукописи на бересте XIII в., найденные при раскопках, и русские рукописи на бересте XVII—XVIII вв. Таким образом, употребление бересты в качестве письменного материала является фактом установленным. Однако способ начертания письма на новгородских берестяных грамотах коренным образом отличается от способа письма на известных нам документах, написанных на пергамене, бумаге и бересте.

Буквы в новгородских грамотах на бересте нанесены на материал путем вдавливания или выпаращивания их по поверхности березовой коры. Орудием для письма на бересте служил какой-то острый костяной или металлический предмет. Возможно, что береста специально обрабатывалась для облегчения процесса письма, например распаривалась. Сохранившиеся куски бересты с письменами имеют следы предварительной обработки. Они обрезаны сверху, снизу, иногда с боков. Можно предположить, что орудием письма служили костяные или металлические заостренные палочки, но степень заострения таких палочек, повидимому, была различной. Так, в грамоте № 1 (о поземе) все буквы вдавлены на поверхности бересты, в грамоте № 8 (о корове) можно говорить об ином способе начертаний букв, при котором пользовались более острым орудием. Здесь в некоторых случаях кора почти прорезана. Вероятнее всего предположить, что надписи были сделаны орудием, известным в старой письменности под названием шильца: оно употреблялось при разлиновке рукописей.

По способу начертания буквы в грамотах на бересте ближе всего стоят к надписям граффити, сделанным по раствору, которым обмазывали стены древних зданий при их отделке. Такие надписи довольно многочисленны в Новгороде, имеются они и в других русских городах. Надписи сохранились

в Новгороде на стенах башен Софийского собора; их было множество и на стенах разрушенной фашистами Волотовской церкви (XIV в.) и др. Объяснить появление этих надписей на стенах можно тем, что писцы нередко носили орудие письма с собою.

Уникальность новгородских грамот на бересте создает некоторые дополнительные трудности для их прочтения, так как палеографические наблюдения, сделанные на основании известной нам пергаменной и бумажной письменности, применимы к ним только частично. Буквы на берестяных грамотах дольше сохраняют геометрический характер, что связано с материалом и орудиями письма, так как выдавливать округлые линии на коре более затруднительно, чем писать прямые. Эта палеографическая особенность грамот на бересте затрудняет их датировку и при поверхностном изучении может создать неправильное представление о времени их написания. Так, буквы **и**, **н** особенно долго сохраняют свою архаическую форму. Старый тип буквы **и** с горизонтальной перекладиной посередине держится особенно долго. Его в почти классическом виде мы найдем, например, в грамоте № 4 (письмо от Микиты), относящейся к XIV в. Только в самых поздних документах (грамоты № 1 и 2) буква **и** теряет старые формы, причем в записи о поземе (грамота № 1) она предстает перед нами с перекладиной, косо повернутой вниз, а не вверх.

Буква **н** в самых ранних грамотах на бересте (грамота № 9) имеет свой древнейший вид и напоминает латинское **N**. Такой же характер она сохраняет и в самых поздних грамотах XV в.

Наиболее характерна в этом отношении грамота № 2 (запись о куницах и белках), где эта буква потеряла свою геометрическую форму, но целиком сохранила форму латинского **N**. Палеография грамот на бересте требует поэтому специального изучения, являясь особым видом палеографии, отличающимся от палеографии пергаменных и бумажных рукописей и близким к надписям граффити.

Способ написания букв путем их вдавливания или нацарапывания на поверхность коры объясняет некоторые дефекты в тексте грамот, происходившие оттого, что кусочки коры выпадали и оставляли свободное место. При прочтении грамот приходилось учитывать то обстоятельство, что береста имеет природные трещины, изгибы, черточки и точки на ее поверхности, которые могут быть приняты за буквы или части букв, а также за разделительные знаки. Кроме того, следует иметь в виду возможность появления случайных штрихов, сделанных во время нанесения букв на бересту. Эти особенности грамот на бересте нельзя полностью показать на фотографиях. Поэтому, кроме фотографий, в издании всюду прилагаются прорисы, тщательно сделанные М. Н. Кисловым и проверенные по подлинникам. В прорисях по возможности указаны остатки букв и других знаков в том виде, как они сохранились, без внесения в них объяснительного элемента, зависящего от взглядов составителей прорисей, когда остаткам какой-либо буквы придается характер определенного знака.

Особенно большие трудности с прочтением новгородских грамот возникали в том случае, когда приходилось иметь дело с обрезанными или оборванными строками, от которых сохранились только остатки букв, их верхи или низы, а также в тех случаях, когда материалом для грамот была кора, на которой горизонтальные линии букв сливаются с природными черточками или точками на ее поверхности. Помимо фотографий и прорисей каждой грамоты, мы даем все документы с сохранением их орфографии и расположения по строкам. Неясные или утерянные места отмечены черточками по числу пропущенных букв. В общепринятой передаче старинных русских памятников пропущенные места обычно показывались точками. От такого способа передачи текстов пришлось отказаться ввиду того, что точка употребляется в новгородских грамотах и как разделительный знак.

Почти к каждому издаваемому документу сделаны необходимые пояснения, которые должны облегчить его понимание. Кроме того, текст всех документов передан также и с разделением на слова и со знаками препинания по современной орфографии (однако с соблюдением буквы *ъ* в середине слова), для того чтобы облегчить его чтение и цитирование.

Название «грамоты» для обозначения найденных берестяных документов взято из древнерусской письменности, в которой этим словом обозначали и деловые документы (отсюда разновидности грамот — взметная, крестная, рядная и т. д.) и письма. «Написах ти грамоту», — пишет Владимир Мономах своему противнику, князю Олегу Святославичу¹. Для большего удобства отдельным грамотам мы дали условные названия — письмо, запись, поклон и т. д.

Берестяные грамоты нами описаны в том порядке, в каком они были найдены. По времени своего написания они могут быть отнесены к следующим периодам:

XI—XII вв.

письмо от Гостяты к Василью (№ 9),
письмо о корове (№ 8),
письмо о Коромане (№ 7);

XIII в.

письмо от Филипа (№ 6);

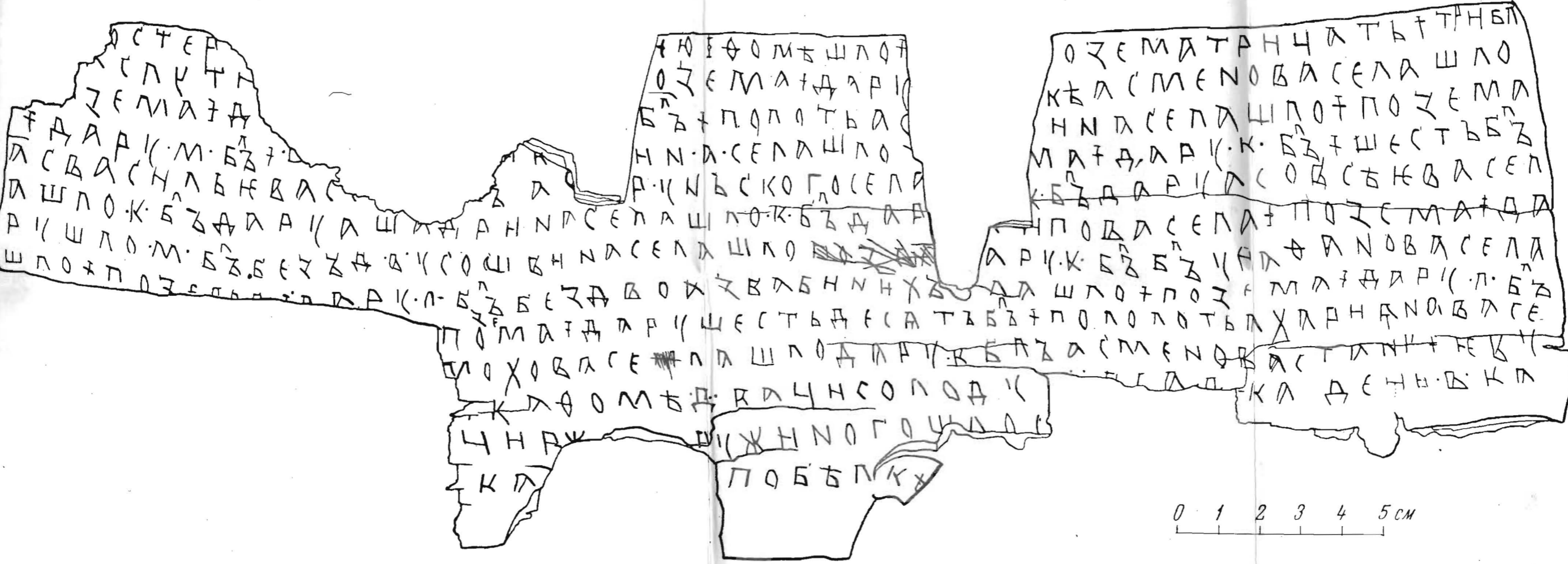
XIV в.

письмо к Матфею (№ 5),
письмо от Микиты к Церту (№ 4),
письмо от Грикши к Есифу (№ 3),
запись о мехах (№ 2);

XV в.

запись о поземе и даре (№ 1),
надпись на ободке сосуда (№ 10).

¹ Повесть Временных лет. Часть 1. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Издательство Академии Наук СССР. М.—Л., 1950, стр. 164.

0 1 2 3 4 5 cm

Грамота первая. Запись о поземе и даре (фотография и прорись).

21. Утеряно 2 буквы, вероятно от слова (се)ла.
22. Утеряно все начало строки, примерно 17 букв.
23. В слове **позема** слог **зе** написан сверху строки.
24. В подлиннике — **пололоть**; вероятно по ошибке, вместо **полоть**.
25. В слове **харианова** буква **о** написана неясно.
26. В слове **села** посередине была написана и зачеркнута буква **м**.
27. Цифра не вполне ясна, более всего она похожа на **к**.
28. Слово **стана** написано очень неясно; вполне четко видны буквы **с** и первое **а**, отчасти **н**; второе **а** почти не читается; от буквы **т** остался только нижний конец.
29. Утеряно 4 буквы; из них видны верхушки двух последних, причем первая похожа на верхушку **в**.
30. Неразборчиво написано 2 буквы.
31. От буквы **ж** осталась только верхняя половина.
32. Утеряно 3 буквы; одна из них была буква **и** от слова **рж(и)**.
33. В слове **ружиного** первая буква **р**, неразличимая на фотографии, читается в подлиннике с большим вероятием.
34. После слова **шло** виден остаток какой-то буквы, все остальное утеряно до конца строки, а может быть и не было написано.
35. Утеряно 6 букв.
36. От конечной буквы **ѣ** в слове **бѣлкѣ** остался только кончик.

Написана запись русским полууставом XV в., примерно первой четверти этого столетия. Наиболее характерны следующие палеографические приметы. Петли букв **в**, **ѣ**, **ь** набухшие; особенно характерна буква **в**. Имеется **е** с длинным язычком, обращенным вниз (так называемое опрокинутое **е**). Буква **з** пишется тремя пересекающимися линиями. Своеобразна буква **у**¹. По характеру своего письма запись о поземе и даре напоминает рядную Леонтия Зацепина первой четверти XV в.² Разделительными знаками являются точка и значок, похожий на крестик. Цифры всюду ставятся между двумя точками, но титлы над цифрами отсутствуют.

При всей своей дефектности содержание записи о поземе и даре улавливается довольно точно. Речь идет о феодальных повинностях, которые поступали с ряда новгородских сел некоему Фоме, дважды упомянутому в записи. Имя Фомы было довольно распространенным среди новгородцев, поэтому пока нет возможности отождествить Фому записи о поземе и даре с каким-либо новгородцем, упоминаемым в летописях или грамотах. Кроме того, в записи мы находим упоминание о нескольких селеньях, названия которых сохранились или

¹ См. Щелкин. Учебник русской палеографии, стр. 115, таблица.

² См. Грамоты Великого Новгорода, № 132, стр. 188. Новгородские грамоты фото-механически воспроизведены в книге А. А. Шахматова. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. СПб., 1886.

полностью, или в дефектном виде. Так, в записи указаны села: **Меново, Васильево, Овсеево, Шадрино, Ошвино, Вабини́х, Харияново, Мохово**. В испорченном виде сохранились названия сел (черточки поставлены на месте утерянных букв): --**рунское, -афаново**. От названия двух сел сохранились только окончания **-ина**. Упомянут также **Менов стан**. Названия перечисленных сел встречаются в новгородских писцовых книгах, но в разных частях Новгородской земли. Феодалные повинности, указанные в записи, в основном состояли из позема и дара. Составители терминологического словаря древнерусских слов так определяют значение позема: «разновидность оброка, плата поземщиков владельцам дворов»¹. В этом значении слово **позем** употребляется в новгородских писцовых книгах: «а дают позему в монастырь пятнадцать денег»². В писцовых новгородских книгах встречается также термин **дар** — феодалная повинность или обязанность приносить подарки феодалу в случае его приезда в волость, а также в определенные праздники. В рядной крестьян Робичинской волости с Юрьевским монастырем, около 1460 г., дар определяется в 5 гривен для архимандрита, а для его сопровождающих — различными мерами ржи³. В этой рядной мы находим совершенно то же обозначение дара, как в нашей записи («а дару архимандриту»).

В записи позем и дар чаще всего объединены вместе, что позволяет в некоторых случаях восстановить утерянный текст грамоты со значительным вероятием. Позем и дар выплачивались, по записи, в белках или натурою. Во всей записи нет указаний на какие-либо другие единицы обмена, кроме белки. Такой же счет на белки мы имеем в двинских грамотах первой половины XV в. Со второй же половины XV в. в двинских грамотах появляется счет на рубли⁴.

В числе других доходов феодала названа также **полоть**, что значит полоть мяса. Этот доход постоянно упоминается в новгородских писцовых книгах. В одном случае писец сделал ошибку и написал, как уже говорилось, **пололоть** вместо **полоть** (см. девятую строку). В конце грамоты упоминаются и другие доходы феодала, к сожалению, в крайне испорченном виде, так как нижний край записи сохранился очень плохо. Совершенно ясно читаются слова **4 ващи солоду**. Термин **ващи** неизвестен, и можно было бы думать, что это место прочитано неверно или вкралась описка писца записи, но, повидимому, то же слово имеется ниже во фрагменте фразы: **ци ржи**, что следует читать, видимо, как **ващи ржи**. В словарях древнерусского языка слово **ващи** не встречается, но слово **вачик** в значении сумки употреблялось еще в XIX в. «„Вачик“ — холщовая или кожаная двойная сумка»⁵. В словаре Памвы Берынды XVII в. имеется сходное слово для обозначения меры — «ват» (уменьшительное — **вачик**)⁶:

¹ См. Материалы для терминологического словаря, стр. 249.

² См. Н е в о л и н. О пятинах. Приложение 1, стр. 14.

³ См. Грамоты Великого Новгорода, № 115, стр. 174.

⁴ Т а м ж е, № 216, стр. 241 (купчая Игнатия и др.).

⁵ Словарь русского языка. СПб., 1895, стр. 345.

«ват, ведро, або мера 26 и 30 кварт, або кадь, куфа»¹. В записи упомянута также кадь — мера сыпучих тел, хорошо известная по так называемому Карамзинскому списку «Русской Правды», где упомянуты «16 кадей ржи ростовских»².

Дефектная 12-я строка может быть прочитана примерно следующим образом: (ва)цирж(иа)--ужиного. Наиболее неясно, что стояло на месте двух букв перед четко читаемым словом **ужиного**. М. Н. Кислов считает, что перед ним виден остаток буквы **р**, следовательно, получается слово **ружиного**, что можно связать со словом **руга** («обложение, побор в пользу церковного причта»³). Но допустимо и чтение **ужиного** от слова **жать**, **ужинать**, откуда термин **ужинные книги**, употреблявшийся в XVI—XVII вв. для обозначения книг, в которых отмечалось количество снопов, убранных после жатвы (например, «книги ужина и умолота» Волоцкого монастыря XVI в.).

Таким образом, все термины записи связаны с феодальным хозяйством и феодальными доходами, поступавшими с определенных сел. Это придает записи о поземе и даре большое историческое значение, так как она по крайней мере на несколько десятилетий предшествует известным новгородским писцовым книгам, составленным уже после присоединения Новгорода к Московскому государству. Запись представляет собой ценный источник для изучения истории феодальной собственности на землю, которая, по указанию И. В. Сталина, являлась «основой феодализма»⁴.

Даем текст записи с разделением на слова. В скобки поставлены чтения, которые восстанавливаются предположительно, черточки обозначают пропуски. Слово **бл** везде читается как **бел**.

1. (А шл)о с Тер-----ею Фоме шло----(п)озема трицать три бел.
2. (ке. А) с Лути----- (п)озема, дару---(бел)ке. А с Менова села шло
3. (по)зема, д(ару)-----бел, полоть. А с----ина села шло позема
4. дару 40 бел-----ик---ина села шло (позе)ма, дару 20 бел, шесть бел.
5. А с Васильева с(ела-бе)л. А с--руньского села (шло) 20 бел дару. А с Овсеева сел
6. а шло 20 бел дару. А Шадрив(а) села шло 20 бел дар(у. А с)-ипова села
позема, да
7. ру шло 40 бел без дву. С Опвина села шло (д)ару 20 бел. (Р)афанова села
8. шло позема, дару 30 бел без дво. А з Вабини(с)ла шло позема, дару 30 бел
9. -----позема, дару шестьдесят бел, полоть. А Харянова се
10. -----Мохова села шло дару 20 бел. А с Менова стана еву
11. -----ка Фоме 4 вацы солоду----а 4 каде--2 ка
12. -----(ва)ци рж(и)--ружиного шло
13. -----ка-----по белке

¹ И. П. Сахаров. Сказания русского народа. М., 1849, т. II, стр. 23.

² «Русская Правда», стр. 353.

³ См. Материалы для терминологического словаря, стр. 307.

⁴ См. И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

Грамота вторая (№ 2)

ЗАПИСЬ О МЕХАХ

Документ найден на глубине 2,6 м, между шестым и седьмым строительными ярусами, возле мостовой. Запись написана на куске бересты шириной в 26,5 см, длиной в 8,5 см, большими полууставными буквами. Особенностью ее является то, что текст написан на обеих сторонах бересты, представляя собой один и тот же документ, продолженный на обороте. Наиболее неясен вопрос о начале записи. Начало ее написано нечетко, между тем никаких намеков на то, что верхняя часть бересты в этом месте оторвана, не имеется. Правый нижний корешок записи отрезан и составляет особый кусок. В конце записи, продолженной на обороте, проведены пересекающиеся линии, как будто в знак того, что далее не должно следовать никакого текста (так же, как это делается в позднейших деловых бумагах, где зачеркивается белое место во избежание его заполнения). Разделительный знак — точка.

По своим палеографическим особенностям эта новгородская грамота резко отличается от других, в особенности от близкой к ней по слою залегания записи о поземе и даре. Так, в записи о мехах всюду употребляется буква у в виде лигатуры 8, тогда как в деловой новгородской письменности XV в. обычно употребляется у. Замечательно также употребление буквы ц, написанной в обратном порядке, в силу чего хвостик буквы опускается с левой, а не с правой стороны. Такой способ начертания Шляпкин указывает для одного памятника XIV в.¹ Буква ы пишется в виде лигатуры ъы, следовательно, архаично и необычно для деловых бумаг XIV в. Рядом с этим буква в по характеру начертания близка к такой же букве в записи о поземе и даре; в некоторых случаях (в середине пятой строки сверху) она написана почти как четырехугольник. Очень интересна буква ђ. Она пишется с загнутыми краями у перекладины, близко к начертанию буквы ђ в Хронографе 1386 г.² Буква з напоминает арабскую

¹ См. И. А. Шляпкин. Русская палеография. СПб., 1913, стр. 62.

² См. Колесников. Сборник снимков, табл. 13.

цифру 3¹. Все это позволяет отнести запись к концу XIV — началу XV в., чему не противоречит и глубина залегания. Для грамоты характерна замена ъ буквой о, как и во многих новгородских документах. Близких аналогий в русской письменности XIV—XV вв. начерки записи не имеют. Предположению, что запись написана иностранцем, противоречит то обстоятельство, что характер написания букв не имеет никакой связи с письменными документами на латинском языке, относящимися к XIV—XV вв.

Приводим текст записи:

1. -ѣкувъбѣларосомѣха.ѣфомѣ.г̃.
2. кѣнициѣмики.в.кѣници.ѣфомѣсохѣ
3. даль.дарѣкѣнициовѣль.аказа.д.кѣн
4. ицаигѣгморонаволокикѣница.ѣматеци
5. в.кѣнициѣвѣльютовѣхо.в.кѣнициѣвозем
6. ѣта.в.кѣници.ѣфилипа.в.кѣнициѣнамѣет
7. а.в.бѣли.ѣжидиликѣницаволикомоос
8. 4 тров ѣкѣница

Н а о б о р о т е:

9. ѣвихтимаса.в.бѣлокиѣгостили.в.кѣнициѣв
10. ѣльюта.г̃.кѣници.ѣлопинкова.ѣ.бѣло

1. Начальная буква читается неясно. может быть это а, перед которой стоит какой-то маленький неясный значок.

2. В тексте четко читается игѣгморо; здесь можно предположить испорченное место, может быть непонятное название или личное имя (см. далее); при этом следует иметь в виду, что конечное о могло быть поставлено, как и далее, вместо ъ.

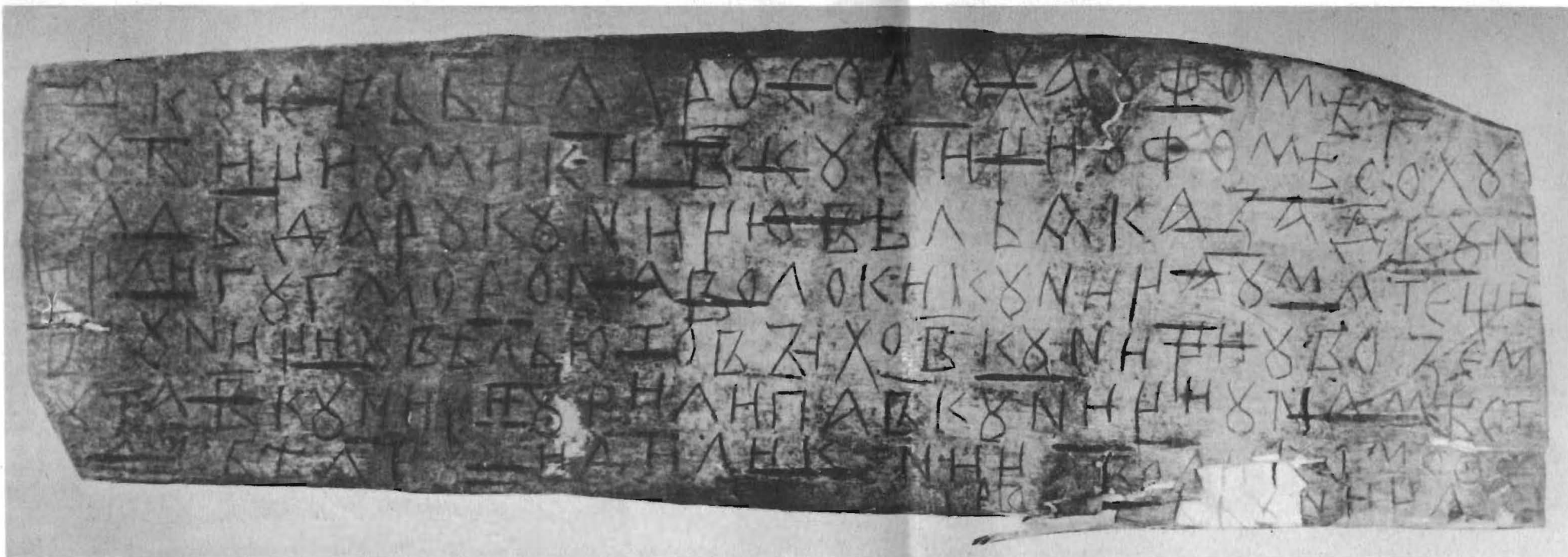
3. Слово вѣльютовыхо следует читать как вѣльютовыхъ; здесь, как и далее, конечный ъ заменен о.

4. Слова воликомоостровѣ кѣница написаны отдельно, так как здесь находился край бересты (трещина разделяет буквы тров и ѣ). Вследствие высыхания коры буквы остров ѣ плохо читаются; при находке записи они читались более явственно. Весь текст может быть прочитан следующим образом: воликомъ островѣ, имея в виду, что здесь конечный ъ заменен о, как и выше.

5. Слово бѣлоки можно читать как бѣлъки.

6. Слово бѣло может быть прочитано как бѣль.

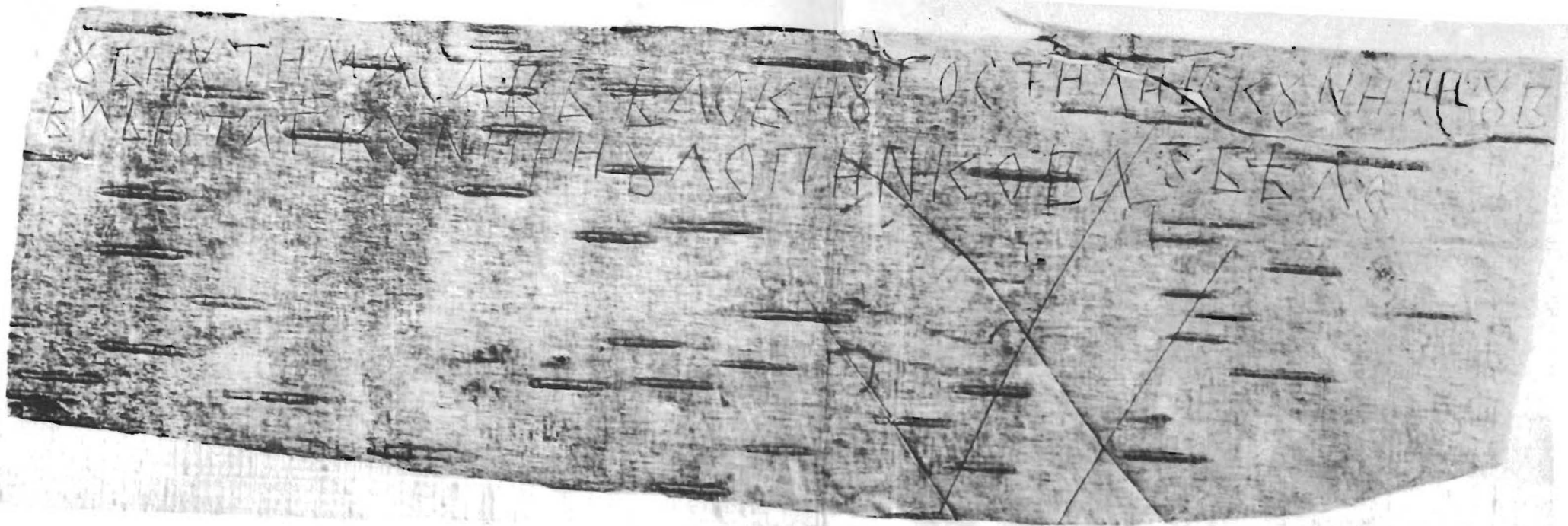
¹ См. у Щепкина в учебнике русской палеографии рис. XXXIX, 7-й ряд.

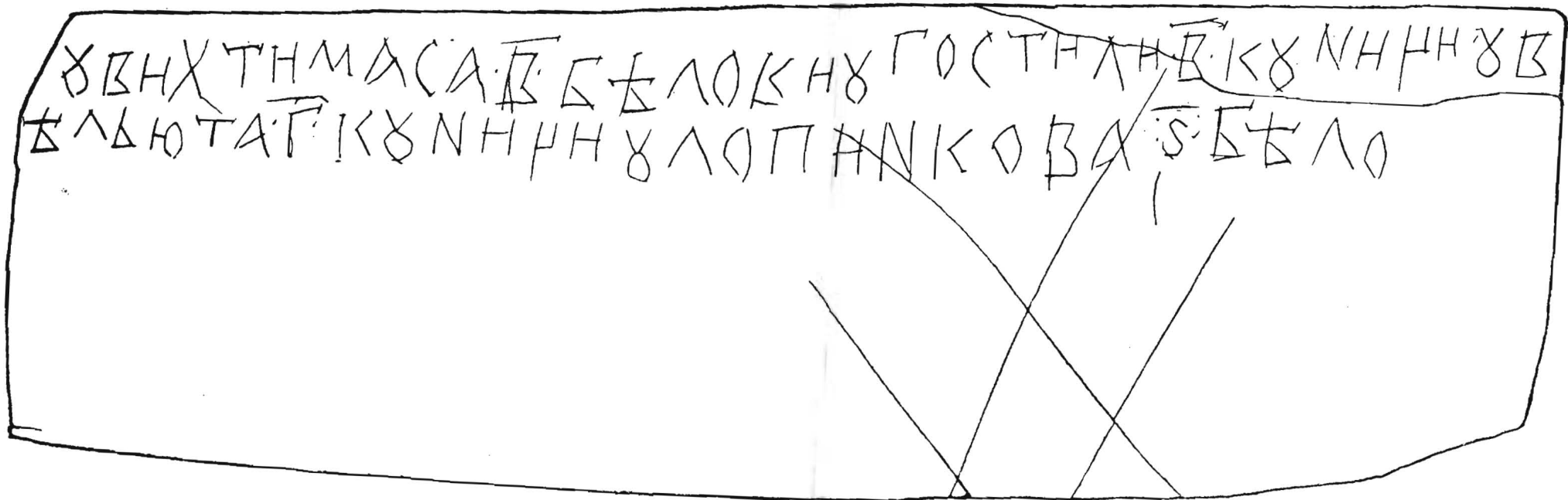
0 1 2 3 4 5 cm

ВѢКЪ ВЪ БѢЛАДОСОМЪ ХАУФОМЪ
КЪ ННЦНУМНКН ВЪ КЪ ННННУФОМЪ СОХУ
ДАЛЪ ДА ДАУКЪ ННЮ ВЪ ЛЪ АКА ЗА ДА КЪ Н
ННАНГЪ ГМОРОНА ВОЛОКН КЪ НННАУМАТЕЩН
ВЪ КЪ ННННУ ВЪ ЛЬЮ ТО ВЪ ХЪ ВЪ КЪ ННННУ ВО ЗЕМ
УТА ВЪ КЪ ННННУ ФНЛНПА ВЪ КЪ ННННУ НА МЪ СТ
А ВЪ БѢЛНУ ЖНА НЛН КЪ НННА ВО АНКА МО ОС
ТРО ВЪ ВЪ КЪ НННА

Грамота вторая. Запись о мехах (фотография и прорись лицевой стороны).

0 1 2 3 4 5 см

Грамота вторая. Запись о мехах (фотография и прорись оборотной стороны).

В записи упомянуты меха белой росомахи, куницы, белки. По справкам, полученным от Б. А. Кузнецова, белые росомахи (альбиносы) встречаются очень редко, мех росомахи является ценным. В русской письменности название «росомаха», повидимому, появляется поздно (оно отсутствует в «Материалах» И. И. Срезневского и «Материалах для терминологического словаря»). Слово **куница** вместо старого **куна** для обозначения куньего меха в письменности известно уже по памятникам XIV в., к которому относится запись. Словами **куница** и **белка** обозначались также особые феодальные подати. В записи указание на куницу, белку и росомаху связано с личными именами, а это указывает на то, что в ней говорится о мехах, а не о денежных или податных единицах.

В записи имеются следующие имена: Аекуевъ, Фома, Мика, Вельяказ, Игугморо, Мятаца, Вельютовы, Воземут, Филип, Намест, Жидиля, или Жидиль, Вихтимас, Гостила, или Гостиль, Вельют, Лопинков. Из них обычными новгородскими именами являются только четыре: Фома, Филип, Намест, Жидило. Намест-новгородец упомянут в летописи под 1240 г.¹; Жидило Жихнович показан в числе послухов известной рядной Тешаты с Якимом². К числу новгородских имен, возможно, относится также имя Мятаца.

Значительное количество имен в записи — нерусского происхождения (Аекуевъ, Мика, Вельяказ, Игугморо, Вельют и Вельютовы, Воземут, Вихтимас, Лопинков). С большим вероятием можно думать, что в данном случае мы имеем имена нерусского происхождения. В писцовой книге Деревской пятины 1500 г. имеется описание двух погостов «в чюди», населенных крестьянами с именами, близкими к перечисленным в записи³. Так, в писцовых книгах указан «двор Данилко Аекуевъ»⁴, что почти целиком соответствует имени Аекуевъ в записи. Целый ряд имен в тех же волостях имеет окончание «ас»: Игамас, Тойвас и т. д.⁵ В тех же книгах указан Вильяд Федков⁶, что очень близко соответствует имени Вельют и Вельютовы в записи. Вихтимас записи соответствует Витамасу хроники XIII в.: это имя носил старейшина эстов в Саккале⁷.

Пеясным является происхождение имени Гостило, или Гостиль. В новгородской грамоте середины XV в. этим именем назван колыванский посол Гостила, или Гостиль: «у Гостили два рубля»⁸. Под 1420 г. в летописи упоминается вельядский командор («велиядьскый кумендер») Гостило⁹. Впрочем,

¹ См. Новгородская летопись, стр. 77 и 294.

² См. Русско-ливонские акты, стр. 15.

³ См. Новгородские писцовые книги. СПб., 1868, т. III.

⁴ Там же, стр. 922.

⁵ Там же, стр. 908.

⁶ Там же, стр. 915.

⁷ См. Хроника Генриха Латвийского. Перевод С. А. Аннинского. Издательство Академии Наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 217.

⁸ Грамоты Великого Новгорода, № 75, стр. 127.

⁹ См. Новгородская летопись, стр. 412.

имя Гостилец известно и в среде самих новгородцев¹, оно имеет общий корень со славянским именем Гостомысла. В ответ на запрос о происхождении имен, упомянутых в записи о мехах, Институт языка и литературы Академии Наук Эстонской ССР сообщил: «Часть этих имен, а именно имена с корнем велья, действительно эстонского происхождения, хотя этот корень (эст. *välja* — «поле») имеется и в водском языке. В эстонском языке встречаются и суффиксы *к*, *кас* и *-т* (*ti*). Следовательно, можно предполагать, что имена Вельяк и Вельякас эстонского происхождения; но в именах Игугморо, или Игугмор, Воземут, Вихтимас, Гостил и Лопинков трудно установить эстонские корни и суффиксы» (сообщил зав. сектором исследования языка А. Каск).

В ответ на такой же запрос, посланный Институту истории, языка и литературы Карело-Финского филиала Академии Наук СССР, было получено следующее разъяснение: «1. Приведенные слова, очевидно, являются и фамилиями, и именами. 2. Некоторые из них, как Вихтимас, Игугмор, Гостило, карельскими средствами не могут быть этимологизированы. 3. Если учесть русскую передачу и русское написание карельских слов, при котором они сильно изменяются, то некоторые слова, как Вельяказ, Вельют, могут быть произведены от *velli* — «брат». Вельют — это уменьшительное от *velli*. По-карельски звучит и пишется *vellýt* (у как немецкое *ü*) — «братец». Вельяказ — это *velli* с суффиксом *kaz* — *kas*, придающим значение: «имеющий много (несколько) себе подобных». По-карельски это звучало бы *vellikáz* — «имеющий братьев».

Также могут быть этимологизированы: Аекуевъ от карельского *aika* или *aiga* — «время»; Воземут от карельского *vazen* — «левый», при суффиксе уменьшительности — *vazemut* — «левенький»; Намест — можно допустить, что это от карельского *niemest* — «с мыса», «житель мыса», *niemi* — «мыс»; Жидиль напоминает по звучанию карельское *židilä, čidilä — čidzilä* и другие диалектные звучания, в переводе — «цедилка» (для процеживания хмеля из пива и пр.); Лопинков — может быть калькой от карельского *lappilaine* — «лопский». Так называются карелы средней и северной Карелии. 4. Мика — по-карельски *Mika — Miku* зовут Никифора и Николая. В данном случае буквально — карельское имя» (сообщил А. А. Беляков).

Таким образом, запись относится, повидимому, к районам Новгородской земли, населенным карелами и отчасти эстонцами. Географическими указаниями являются названные в записи Волок и Великий остров.

В записи упоминается также слово *дар*, как и в записи о поземе и даре. Слова у *Фоме сохудаль* остаются без объяснения, хотя слово *соха* в различных его значениях известно с давнего времени.

¹ См. Новгородская летопись, стр. 73 и 284.

Даем текст записи с разделением на слова:

1. Аекуевъ бѣла росомуха. У Фоме 3
2. куници. У Мики 2 куници. У Фоме соху
3. даль, дару куницу. Вельяказа 4 кун
4. ица. Игугмор на Волоки куница. У Мятенци
5. 2 куници. У Вельютовых 2 куници. У Возем
6. ута 2 куници. У Филипа 2 куници. У Намест
- 7—8. а 2 бели. У Жидили куница. Воликом островѣ куница.
9. У Вихтимаса 2 бѣлки. У Гостили 2 куници. У В
10. ельюта 3 куници. У Лопинкова 6 бел.

ПИСЬМО ОТ ГРИКШИ К ЕСИФУ

Документ найден на глубине 2,5 м, между пятым и шестым строительными ярусами, вдалеке от мостовых и от построек. Письмо написано на куске бересты длиной в 3 см, шириной в 38 см. На этом вытянутом в ширину кусочке написано всего 3 длинные строки. Из них утеряно около трети первой строки. Кроме того, срезан нижний край правой половины бересты, вследствие чего у половины третьей строчки видны только верхние оконечности букв.

Палеографические приметы ведут нас к XIV в., вернее, к первой его половине. Как и в других берестяных грамотах, в письме от Грикши находим архаические особенности в виде буквы **и** с прямой перекладиной, **и** в виде латинского **N**; всюду употребляется **ѣ**. Рядом с этим имеем несколько букв, типичных для XIV в. Например, характерна буква **ч**, наподобие глубокой угловатой чаши, почти близкая к расщепу русского полуустава. Начертание буквы **в** очень близко к такой же букве в записи о поземе и даре; нижняя петля ее очень широкая и набухшая, как и у буквы **ѣ**. Буква **ш** изображается с низкой средней перекладиной. Разделительным знаком является крестик (+).

Приводим текст записи:

1. поклонѣѡтгрикшикъкъсифуприславѣонанымолв-----

2. изѣкмуѡтѣѣчалѣпереклѣмиесифѣваритипереварѣинакаго + ѡнѣпри

3. слалѣѣфедось + варитѣипивѣѣдишьнабесзатыцинѣневаритьжито

1. Утерян весь конец первой строчки, примерно около 17 букв; текст обрывается на слове **молв**, причем нижняя оконечность буквы **в** еще сохранилась; повидимому, было написано слово **молви** (см. документ № 5).

2. Здесь стоит значок, похожий на перечеркнутую букву **и** (см. далее после слова **федось**); вероятно, это разделительный знак, так как везде в документе пишется **и**. Передаем его значком +.

3. Слово **безатьщинѣ** читается вполне четко, хотя от него сохранились только верхушки букв; наиболее спорно, надо ли читать в этом слове **щ** или **ш**.

4. Далее видны только верхушки букв. По чтению М. Н. Кислова, здесь написано **не варишь жито**. Наиболее ясно читаются слова **жито**, **варишь**.

Содержание письма становится понятным при объяснении двух имеющихся в нем слов: **перевары** и **безатьщина**. Словом **перевар** обозначали чан для варки пива или меда. Так, в Ипатьевской летописи в рассказе о пирах Владимира находим известие, что праздник отмечали, «варя 300 перевар меду»¹. В письме, как видно из текста, идет речь о переварах пива. В переносном смысле переварами назывались феодальные поборы или пошлыны. В договорной грамоте Великого Новгорода с польским королем Казимиром 1470—1471 гг. отмечаются перевары в южных волостях Новгородской земли².

Таким образом, в письме идет речь о том, кто обязан держать перевары, в данном случае варить пиво. Эта обязанность возлагается на Федосью, так как она сидит на **безатьщине**. В «Материалах для терминологического словаря» (стр. 26) это слово оставлено без объяснения. Чаще всего под **безадчиной**, или **безатьщиной**, понималось выморочное имущество зависимых людей. По церковному уставу Ярослава, **безадщина**, или **безатьщина**, церковных людей поступала в пользу епископа. В «Русской Правде» имеется статья «о смердах», по которой наследство смерда, не имевшего сыновей, должно переходить к князю: «аще смерд умереть безажю, то князю задницы». В Пушкинском списке «Русской Правды» (XIV в.), носящем явные черты новгородского происхождения, **безадницей** называется вообще наследство, перешедшее к дочери. Заголовок «о безадници» поставлен перед статьей о наследстве, оставшемся «у бояр и дружины». Это имущество, в отличие от имущества смерда, не поступало в распоряжение феодала, а передавалось дочерям умершего. Второй раз заголовок «о безадницѣ» поставлен в том же списке перед статьей «о робях детях», которые не получают наследство по смерти отца³.

Можно предполагать, что Федосья сидела на такой **безатьщине** — выморочном имуществе, вследствие чего Грикша и Онанья считали ее обязанной варить перевары. Для варки пива употреблялось жито⁴ (так назывался зерновой хлеб). В более узком смысле жито — ячмень, а местами — рожь.

В письме указано четыре имени: три мужских (Грикша, Есиф, Онанья), одно женское (Федось). Все эти имена постоянно встречаются в новгородских грамотах. Есиф — это Осип, или Иосиф, Онанья — Ананья, Грикша — сокращение от имени Григорий (например, см. Прохно и Смехно в купчей Антонова

¹ Ипатьевская летопись, стр. 86.

² См. Грамоты Великого Новгорода, № 77, стр. 130—131.

³ См. «Русская Правда», стр. 290.

⁴ См. Материалы для терминологического словаря, стр. 115.

монастыря)¹. Женское имя Федосья было также очень распространено в новгородских документах. На время и обстоятельства написания письма от Грикши к Есифу, возможно, указывает духовная Остафья Ананьевича 1393 г. В ней названы бабка завещателя Федосья, его отец Онанья, его брат Григорей².

Приводим текст письма с разделением на слова:

1. Поклон от Грикши к Есифу. Прислав Онанья, молв(и)---
2. яз ему отвечал: не рекл ми Есиф варити перевары ни на кого. Он прислал
3. к Федось: вари ты пиво, седишь на безатьщине, не варишь жито.

¹ См. Грамоты Великого Новгорода, № 110, стр. 166—168.

² Там же.

ПИСЬМО ОТ МИКИТЫ К ЦЕРТУ

Документ найден на глубине 2,8 м, между седьмым и восьмым строительными ярусами, у наружной стены жилого сруба. Письмо написано на куске бересты шириной в 12 см, длиной в 6 см. Судя по содержанию, первая и вторая строки письма сохранились почти полностью, может быть, за исключением 1—2 букв в конце второй строки. Левый край письма сохранился вообще полностью, правый нижний край утерян (около четверти всего текста).

Палеографические приметы письма указывают на первую половину XIV в. Всюду еще сохранено **ч** и **к**; однако петли **ѣ**, **љ**, **ь** сильно набухли. Наиболее характерно **з** в виде тройки с длинным хвостом, а также **а** с небольшим крючком сверху¹. Перекладина буквы **и** идет вверху несколько косо, в букве **н** перекладина поставлена косо, иногда в самом низу; **ж** написано тремя разорванными друг от друга линиями с несколько меньшей верхушкой, чем нижняя часть буквы. Очень характерна буква **ц** с длинным язычком. В языке заметна новгородская смена **ч** на **ц** (церту, цто). Разделительный знак — точка.

Приводим текст записи:

1. ѡтмикитѣ.копертоу.цтокъсмь. 1
2. руциль.оупетра.нагородищѣ.н- 2
3. юрги.быль.выдалъ.содвора.н--- 3
4. неоувѣдалс.аменевъ.идаль --- 4
5. кль.ксижелезногоп----- 5
6. рубль.взавъ.атъ.н----- 6
7. 7

¹ См. Щ е п к и н. Учебник русской палеографии, табл. 39, строка 1-я, 6-я и 7-я буквы слева.

7. ндрѣ.исправигосп-----

9

8. возми.сапозѣ.

1. Неясно, было ли продолжение строки, так как никаких следов от букв или других знаков не видно.

2. Утеряна, вероятно, 1 буква, предположительно можно считать, что было написано **нѣ**, (**но**).

3. Утеряно примерно 3 буквы, возможно, что там стояло **намѣ**, судя по сохранившейся букве **н**, которая начинала новое слово, так как перед ним стоит точка.

4. Утеряно примерно 3 буквы; в связи с последующим текстом можно предполагать, что тут стояло **аре**, то есть начало фразы: (**а ре**)жѣ.

5. После буквы **п** ясно видна верхушка какой-то буквы (возможно, **о**) и крючок, вероятно от верхушки буквы **л**; далее утеряно примерно 5 букв.

6. В слове **взавѣ** буква **в** написана неясно, можно прочесть как **взяхѣ**.

7. Дальше утеряно примерно 13 букв.

8. Здесь утеряно примерно 13 букв.

9. Здесь текст кончался, так как дальше никаких букв на сохранившихся остатках коры не видно.

Упомянутое в письме Городище расположено в 3 км к югу от Новгорода на правом берегу Волхова. На Городище помещался двор княжеского наместника, производившего суд совместно с представителями Новгорода. По договору Новгорода с польским королем Казимиром 1470—1471 гг. наместник имел право посылать своих дворян с Городища для вызова ответчиков: «а дворяном з Городища и изветником позывати по старине»¹. Поручительство в судебных делах известно уже по «Русской Правде»: «пойди на свод, где еси взял, или не поидеть, то поручника за пять дний»². Глагол **ручить** (в письме по-новгородски — **ручил**) в значении «поручиться» имеется в записи Олега Рязанского 1393 г.³

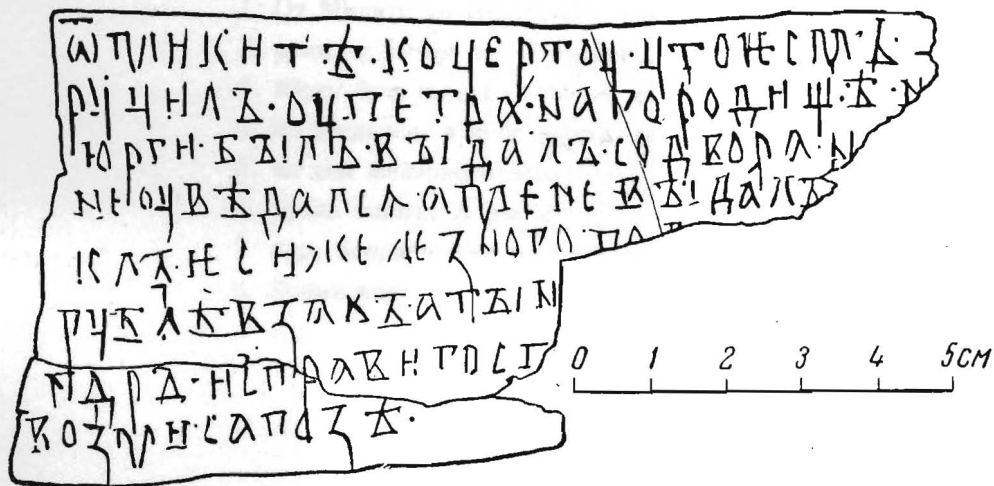
В «Русской Правде» **железным** названа пошлина, которую платили при испытании раскаленным железом в доказательство невиновности. Она установлена в таком размере: «А железного платити 40 кун, а мечнику 5 кун, а полгривны детьскому; то ти железный урок, кто си в чемь емлетъ»⁴. В более поздних документах XIV—XV вв. **железным** называется пошлина, которая уплачивалась дворянину, налагавшему оковы на обвиняемого, если обвиняемый не имел поручителя. По грамоте 1398 г. **железное** указано в следующих случаях: «а железного четыре белки, только человека скуют, а не будет на нем поруки, а

¹ Грамоты Великого Новгорода, № 77, стр. 132.

² «Русская Правда», стр. 71.

³ См. Срезневский. Материалы, т. III, стб. 200.

⁴ «Русская Правда», стр. 113.

боле того дворянину не взяти ничего, а через поруку не ковати»¹. «Аже не будет поруки, всадити его в железа»²,—читаем мы и в более раннем документе, проекте договора Смоленска с Ригю. Железное для скрывающегося должника знает и Пековская судная грамота. Поэтому можно предполагать, что в письме говорится о человеке, которого, несмотря на поручительство, посадили в тюрьму.

Дальнейшее содержание письма настолько дефектно, что не может быть восстановлено. Начало седьмой строки—**ндръ.исправи гос**—позволяет предполагать, что буквы **ндръ** представляют собой окончание какого-либо имени (Александр, Никандр и т. д.), к которому и обращено повелительное наклонение **исправи**. Для возможного объяснения этого дефектного текста может иметь значение статья одного из списков Смоленского договора с Ригю: «аже дасть наем детьскому, а не исправить за 8 дней товара у русина, тотъ дати ему на събе порука»³.

В письме упомянуто четыре имени, три из которых (Никита, в обычной форме Микита, Петр, Юрги, т. е. Георгий) были очень распространены в Новгороде. Наиболее необычно имя того лица, к которому адресовано письмо: Церт. Вероятно, в данном случае мы имеем прозвище Чорт (или Церт, по новгородскому произношению, где менялось ц на ч и обратно). Имя или прозвище Чорт известно по более поздним документам, как и фамилия Чертовых.

Приводим текст письма с разделением на слова:

1. От Миките ко Церту. Цто есмь
2. рудил у Петра на Городицѣ, н(о)
3. Юрги был выдал со двора, н(ам)
4. не уведался, а мене выдал, (а ре)
5. кл еси железного п(ол)-----
6. рубль взявъ. А ты н-----
7. ндр, исправи госп-----
8. Возми сапозе.

¹ ААЭ, стр. 8.

² Русско-ливонские акты, стр. 424.

³ Там же, стр. 430.

Грамота пятая (№ 5)

ПИСЬМО К МАТФЕЮ

Документ найден на глубине 3 м, между восьмым и девятым строительными ярусами, вдалеке от мостовых и построек. Письмо написано на куске бересты шириной в 23 см, длиной в 6,5 см. Кусок бересты сохранился почти целиком, он ровно обрезан слева и снизу; правая часть лицевой стороны бересты с письмом оставлена чистой и не записана. Верхняя часть письма не сохранилась, но утеряно, повидимому, не больше одной строчки, судя по начальному обращению, частично оставшемуся. Цвет бересты, на которой написано письмо, очень темный, но буквы четко выдавлены и по отдельности читаются хорошо. Кора сильно истрескана.

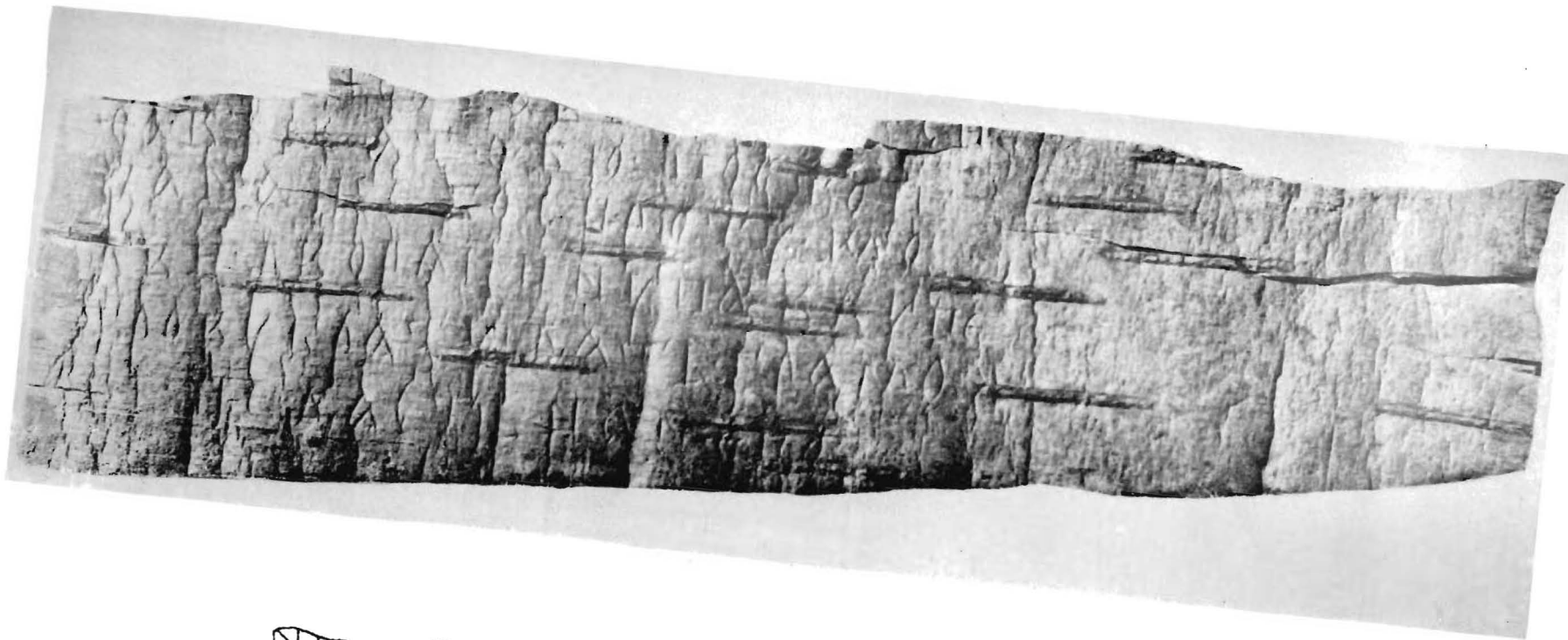
Начерк, которым написано письмо, можно отнести к первой половине XIV в. Особенно характерна буква з. Буква н сохраняет вид латинского N с косой перекладиной; архаично выглядит и. В ю перекладина поставлена несколько косо посередине, что В. Н. Щенкин считает особенностью начерков с XIV в. Везде употребляется только у в его характерной форме.

Приводим текст записи:

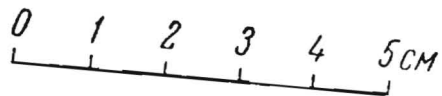
	1	2	3
1.	-----	дав-----	си
2.	ѡа.	къматѣ	ѣю.постоп.
3.	занашего	сироту.	мо
4.	лви.	дворянину.	павлу.пе
5.	тровубрату	датель.	грамо
			4
6.	тѣ.	недасть	нанего.

1. Начало письма утеряно (примерно 5 букв), далее видны остатки 2 букв, похожих на остатки н и о; за ними утеряна еще 1 буква.

2. Ясно различаются 2 буквы да и окончание какой-то буквы, похожей на нижнюю часть в (осталась петля и врезающаяся в нее черта; ср. эту букву в слове *дворянину*).

Ⲑⲁⲓⲕⲟⲙ ⲁⲧⲏⲃⲏⲙ ⲡⲟⲥⲧⲟⲛ
ⲗⲁⲛⲁⲥⲉ Ⲓⲟⲥⲏⲣⲟⲧⲓⲥⲟ
ⲗⲅⲏⲃⲟⲣⲁⲛⲏⲛⲓⲡⲁⲅⲗⲓⲥⲉ
ⲧⲣⲟⲅⲓⲃⲣⲁⲧⲓⲧⲁⲧⲥⲁⲙⲟ
ⲧⲃⲏⲉⲃⲁⲥⲧⲥⲁⲛⲁⲛⲉⲓⲟ

Грамота пятая. Письмо к Матфею (фотография и пропись)

3. Утеряно 6 букв, после чего следует остаток какой-то буквы, может быть остаток **к**. По аналогии с другими письмами тут надо предполагать начало слова **(к)сиѡа**.

4. Слово **него** читается несколько неясно, так как береста в этом месте очень сморщилась.

Судя по содержанию, в письме идет речь о каком-то **сироте**, за которого надо **постоять** на суде. Слово **сирота** в древнейших памятниках обозначало также холопа, раба. В этом смысле оно употребляется уже в поучениях новгородского епископа Луки Жидята первой половины XI в. («и своим сиротам милостиви будете»¹).

В поучении новгородского епископа Илии в XII в. сироты считаются рабами, находящимися «под игом работным». В более поздних памятниках сиротами называются также крестьяне. Таким образом, можно предполагать, что письмо говорит о холопе или зависимом человеке, за которого надо **постоять** на суде. Примерно в таком же значении слово **постоять** употребляется в слове Илариона о законе и благодати².

Возможно, что дело идет о закрепощении свободного человека путем выдачи на него официального документа — грамоты, известной под названием **дерноватой**. Так, в договорной грамоте Дмитрия Донского с тверским великим князем Михаилом Александровичем около 1375 г. имеется условие «грамоты дерноватый подрати на тех новоторжцев, которых тверской князь обратил в холопство, «одернь»³. Наиболее неясно окончание грамоты письма: «не дать на него», которое допускает различные толкования.

По мнению А. В. Арциховского, **ть** в предпоследней строке грамоты перед словом **грамотѣ** может быть сокращением указательно-усилительной частицы **ти**⁴. Тогда слоги **да и ть** будут отдельными словами, и перевести можно будет так: «пусть грамоты не даст на него».

Письмо направлено к **Матфею**, повидимому, **Есифом**, судя по окончанию **сиѡа**, сохранившемуся на бересте. Дворянин **Павел**, **Петров брат**, которому надо молвить о грамоте, — должностное лицо на суде. Об участии дворян в княжеском суде хорошо известно по многим памятникам, в том числе новгородского происхождения. Само слово «дворянин», очевидно, утверждается в XIII в.⁵ **Павел Петрилович**, по повелению которого была восстановлена церковь **Пятницы**, упоминается в новгородских летописях в 1345 г. В них же упоминается о посаднике **Матфее**, получившем посадничество в 1346 г. Еще раньше

¹ См. Срезневский. Материалы, т. III, стб. 359.

² Там же, т. II, СПб., стб. 1265.

³ См. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.—Л., 1950, стр. 27.

⁴ См. Срезневский. Материалы, т. III, стб. 957.

⁵ Подробнее об этом слове см. тоже у Срезневского, там же, т. I, стб. 646—647.

тот же Матфей упомянут в 1343 г. в связи с большими волнениями в Новгороде, в которых принимали участие черные люди. Совпадение имен Павла и Матфея в письме и летописи может быть, конечно, и случайным.

Даем текст с разделением на слова:

1. -----дав---(От Е) си
2. фа к Матфею, Постои
3. за нашего сироту, мо
4. лви дворянину Павлу Пе-
5. трову брату дать грамо-
6. те; не дасть на него.

ПИСЬМО О КОРОМАНЕ

Документ найден на глубине 4,3 м, между пятнадцатым и шестнадцатым строительными ярусами, внутри жилого сруба. Письмо написано на куске коры длиной в 3 см, шириной в 12 см. Левый край письма, видимо, обрезан после его написания, так как в третьей строке утеряна палочка от буквы **к**. Правый край документа оторван и сморщился, вследствие чего его нельзя полностью восстановить. Все это создает большие трудности для прочтения.

Палеографические особенности документа очень своеобразны. Наиболее характерными буквами являются **ч** в виде чаши на большой подставке (палочке); длина верхней и нижней частей буквы **ч** почти одинакова. Буква **н** везде пишется как латинское **N**; в букве **и** перекладина иногда повернута в правую сторону несколько вниз, как это видим и в Изборнике 1076 г.¹ По своим палеографическим особенностям письмо о Коромане чрезвычайно напоминает надписи на стенах Софийского собора². В этом смысле интересны написания букв **б**, **ь** с их наклонами, почти островерхое **а** и т. д. По своим палеографическим особенностям письмо относится к XII в. В нем заметны следы новгородской замены **ц** на **ч** (лисичь).

Приводим текст записи:

1	2
1. считаоукороман---	
3	4
2. кьносорокьлисичьсоро---	
	5
3. коосмьшестьбьбороко---	
	6
4. -----	

1. Начальная буква **с** сохранилась только частично.

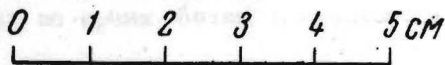
2. Конец строки утерян (вероятно, 3 буквы).

¹ См. Материалы для истории писем восточных, греческих, римских и славянских. М., 1885, табл. V, лист 5, правый столбец, строки 12, 19.

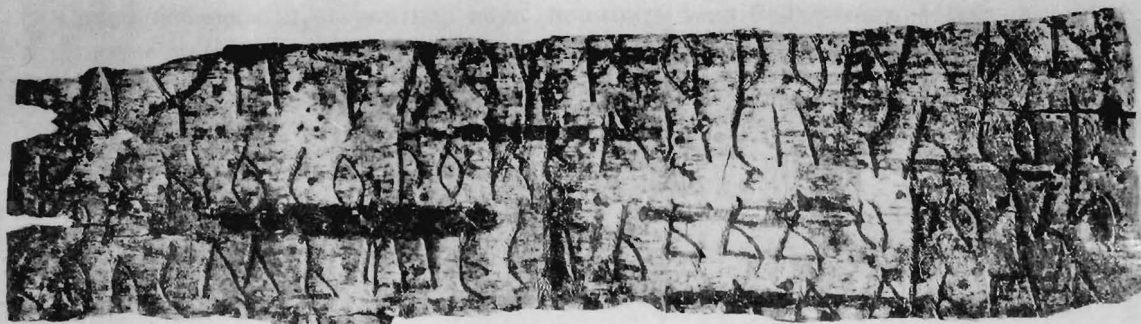
² См. Щепкин в. Новгородские надписи.

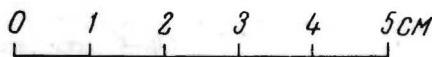
ПРИКЛОНО ѠА НЛН ПА К ѠГ
НЛО ПЛАА ХПА

Грамота шестая. Письмо от Филипа (фотография и прорись).

Ѡ ѠН ТЛОУ КО РОМЛН
КЪНО (О РОКЕ ЛНН УЪ (О
КО (МЪЩЕ (ТЪБЪБОРОИКА
ЛЛАЛЛА

Грамота седьмая. Письмо о Коромане (фотография и прорись).

3. Здесь, по мнению М. Н. Кислова, видна палочка от какой-то буквы.
4. Утерян конец строки, сохранился только остаток круглой буквы, вероятно, левая часть о.

5. Утерян конец строки, вероятно 2-я и 3-я буквы.

6. Далее утеряна почти вся строка; в конце ее видны только верхушки 6 букв, похожие на окончания **а, л, м, ь, п**; последняя буква, возможно, является окончанием острого **л** или **м**. Связно прочесть этот текст невозможно.

Письмо начинается обращением **сочита**. Это форма двойственного числа от глагола **сочити** — искать, взыскивать, вести тяжбу. В «Русской Правде» слово **сочити** не встречается, мы находим в ней всюду слово **искать**. **Сочити** постоянно употребляется в Псковской судной грамоте: «...а кто на ком имеет сочить ссудного серебра»; «а имеет тот человек сочит на поручнике своего серебра»¹.

Имя **Короман**, или **Корман**, — русское. **Корман** — псковский посадник; он назван в числе убитых во время битвы с немцами в 1343 г.: «посадника **Кормана**»².

Пропуск в конце первой строки можно было бы считать началом слова **соукьно**, которое встречается уже в самых ранних памятниках русской письменности. Тогда первая строка предположительно может быть прочитана таким образом: «сочита оу **Коромана** (су)кьно сорок лисичь». Так как правая часть документа утеряна, то читать подряд «сороко осмь, шесть бьбороко(в)» невозможно.

Слово **бьбороко(в)**, вероятно, надо понимать как **бьбъроковъ** — бобров. Текст с разделением на слова можно представить в таком виде:

1. Сочита у **Короман** (а соу)
2. кьно сорок лисичь соро...
3. ко осмь, шесть бьбороко...

¹ Псковская судная грамота, стр. 7—9.

² Новгородская летопись, стр. 357.

П И С Ъ М О О К О Р О В Е

Документ найден на глубине 4,42 м. между пятнадцатым и шестнадцатым строительными ярусами, непосредственно на мостовой. Письмо написано на куске бересты длиной в 6 см, шириной в 28 см. Кора сильно потрескалась, и в некоторых местах природные трещины почти сливаются с буквами. Нижний правый край письма надорван, и часть коры выщербилась. Все это создает большие трудности для прочтения.

По своим палеографическим приметам письмо относится к очень раннему периоду, примерно к XII в. Начерки его близки к надписям на стенах Софийского собора, особенно к надписи на рис. 35¹. В них мы находим характерное ч в виде чаши с несколько загнутыми полями, букву е с прямой перекладиной посередине, несколько вытянутое длинное о, очень близкую по начертанию к новгородским надписям букву в. Характерной особенностью письма является употребление в нем буквы ѝ², хотя эта буква и имеет несколько необычную верхушку с загнутыми усиками.

Приводим текст записи:

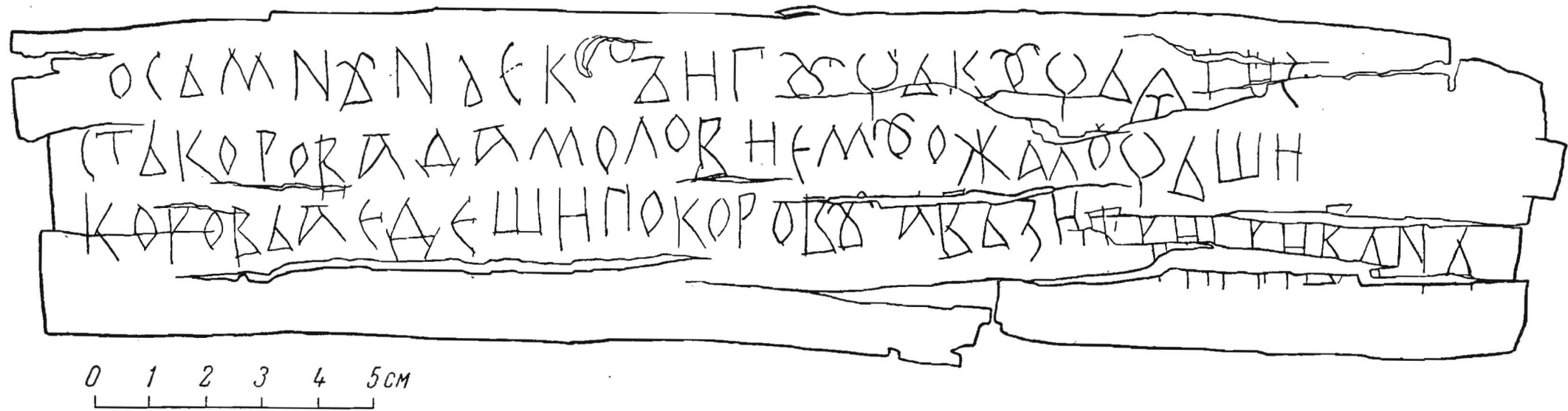
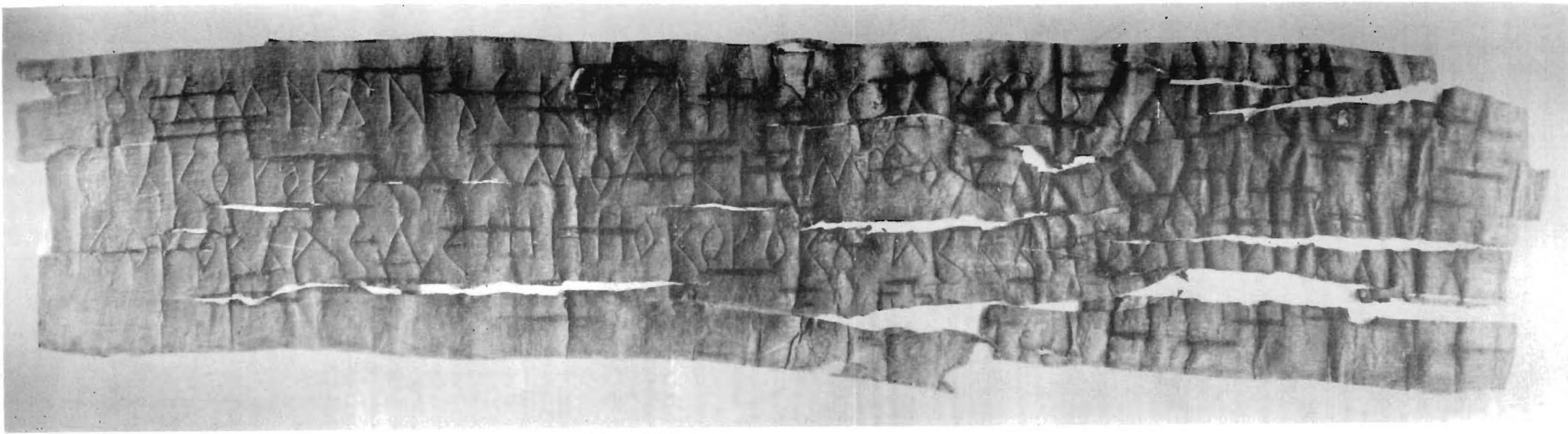
1	2 3	4	5
1.	осьмвѣн-ск-ъигѣчкѣѣчѣ---		
2.	етькоровадамоловиемѣожапочьши		
3.	коровѣаедѣшпокоровѣавъзи---	6	гривнь

1. Под буквой о на фотографии и в подлиннике видны две черточки, напоминающие какую-то букву, но на обороте верхней части коры никаких следов буквы нет.

2. Буква ѝ в виде лигатуры с двумя загнутыми кверху завитками.

¹ См. Щ е п к и н. Новгородские надписи.

² Там же, рис. 30.

Грамота восьмая. Письмо о корове (фотография и прорись).

3. Тут написана совершенно четко различимая буква, по своим очертаниям не похожая на другие и напоминающая обратно написанный **ь**; может быть, это недописанное **8**.

4. На фотографии довольно четко читается **скръи**, но в подлиннике это чтение встречает некоторые затруднения. Так, буква **с** имеет посередине что-то похожее на перекладину, следовательно, может быть прочитана как **е**, однако на обороте коры отражения этой перекладки нет, из чего следует заключить, что это была буква **с**. Дальше кора так сморщена, что на ней нельзя различить никакой буквы; на фотографии и в подлиннике тут имеется что-то похожее на **р**, но буква **р** в этом же документе пишется по-иному. Тем не менее наиболее вероятным остается чтение — **скръи**.

5. В конце строки утеряно примерно 3 буквы; одна из них была **к**, от которой осталось во второй строке **сть**.

6. В словах **възи**, **гривнь** наиболее нечетко читаются буквы или цифра после слога **зи**. По чтению М. К. Кислова — здесь написано **три**. По нашему чтению — цифра **и** (8).

Имена **Осьмунь** и **Гучка** в новгородской письменности неизвестны. Не является ли слово «осьмунь» испорченным от термина «осьмник», «осменик» — должностное лицо или сборщик торговых пошлин?¹

Текст письма с разделением на слова представляется в таком виде:

1. осьмун-, скръи Гучьку, чья--(е)
2. сть корова, да молови ему ожалочьши
3. коровь, а едеши по корову, а възи (8) гривнь.

¹ См. Срезневский. Материалы, т. II, стб. 729.

ПИСЬМО ОТ ГОСТЯТЫ К ВАСИЛЮ

Документ найден на глубине 4,56 м, между шестнадцатым и семнадцатым строительными ярусами, возле мостовой. Письмо написано на куске коры длиной в 9 см, шириной в 25,5 см. Весь текст помещен в верхней части куска коры и сохранился полностью. Внизу на попорченной части ничего не написано.

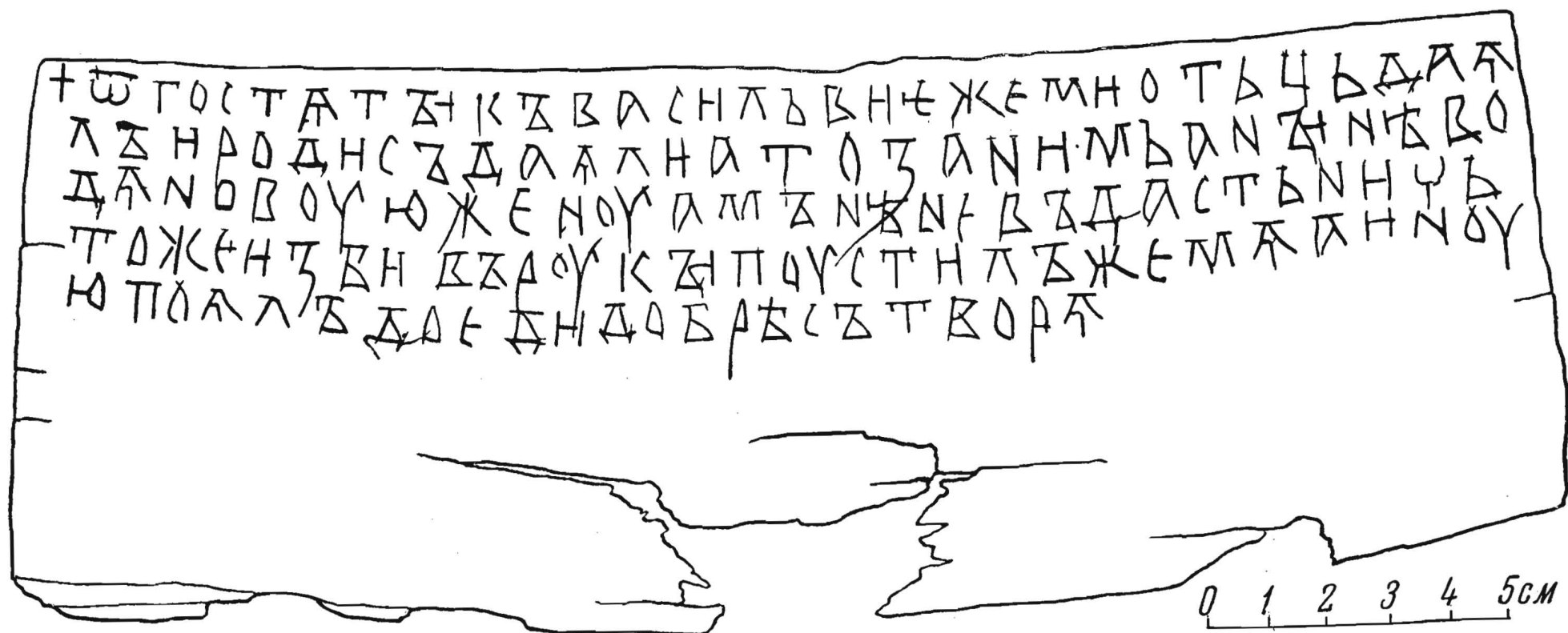
Палеографические особенности письма указывают на XI в. и находят почти полную аналогию в надписях на стенах Софийского собора, изученных В. Н. Щепкиным¹. Буквы еще сохранили свои геометрические формы. Буква **ч** написана в виде чаши, **ж** пишется почти симметрично, буква **ъ** стоит целиком в строке. Буква **ѣ** пишется в виде лигатуры, как в листках Ундольского и в Житии Кондрата XI в.² Всюду пишется только **оу**. Особенно характерны буквы **з**, **ш**, **в**. Буква **з** — древнейшего типа с большим навесом вверху и длинным хвостом, как в Реймском и Остромировом евангелиях. Буква **в** в разных своих написаниях находит полную аналогию в надписях Софийского собора (см. букву **з** на рис. 30, букву **в** на табл. 32 в слове **васил** и пр.). Особенно интересно почти полное совпадение написания в одинаковых словах (**нова**, **васил**) в надписях Софийского собора и в письме от Гостяты. Интересной особенностью является крест, поставленный в начале письма, как в грамоте Мстислава Юрьеву монастырю 1130 г.

Приводим текст записи:

1	2
1. ѡтгостатъкъвасильвиъжемиотъцьдаѡ	
2. лъгиродисъдаѡлиатозанимъанынѣво	
3. даѡновоуюженоуамънѣневѣдастьничь	
4. тожеизбивъроукипоустилъжемаѡяпоу	
5. юпоѡлъдоедидобрѣсѣтворѡ	

¹ См. Щепкин. Новгородские надписи, табл. 32 и др.

² См. Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Издательство Академии Наук СССР. Л., 1928, стр. 369, 372.

Грамота девятая. Письмо от Гостаты к Василию (фотография и прорись).

1. В начале письма стоит четвероконечный, несколько вытянутый крест.

2. Так в рукописи.

В письме имеем два имени: Гостята и Василь (Василий). Имена Василь и Васил мы находим в надписях на стенах Софийского собора¹. Имя Гостяты по летописям и другим источникам неизвестно. Оно может быть в равной степени мужским (ср. Милята — заказчик евангелия в XII в., Гюрята в летописи и пр.) и женским. В глаголической надписи на стенах Софийского собора имеется имя Дядята. В кирилловской транскрипции эта надпись передается В. Н. Щепкиным таким образом: «Дядята до(ш)ръ кро(?)тъкъ»². Слово **дошрь** может указывать на то, что Дядята было имя женское, а не мужское. По летописям известна Рогнеда, дочь полоцкого князя и жена Владимира Святославича.

Предположение, что автором письма является женщина, Гостята, наиболее правдоподобно объясняет содержание письма, в котором говорится о самовольном разводе. О таких случаях («иже свое подружье оставить и пойма иную») говорится уже в памятке XI в.³ В письме от Гостяты сказано почти теми же словами: **пустил же мя, а иноую поял**.

Слова **иже ми отць даалъ и роди съдаали** указывают на имущество жены, которое ей дали отец и родственники (**роди**) и которое было присвоено мужем. В особой редакции Кирикова вопрошания первой половины XII в. говорится о тех, кто «распустится с женою или жена с мужем», причем имеется в виду тот случай, когда «не мочи мужу дръжати жены или жене мужа, или долг мног у мужа застанет, а порты ее грабит или пропивает, или ино зло»⁴.

Выражение **избивъруку** следует сопоставить со словом **събитъ** — согнать, прогнать⁵.

По мнению А. В. Арциховского, однако, имя Гостята в этой грамоте является мужским. Он утверждает это на основании следующих соображений: летописи и иные источники содержат много имен на «ята», и все это имена мужские. В Новгороде в XI в. известны Вышата, Гюрята, Жидята, Петрята, Седята, Твердята; в XII в.— Васята, Воята, Вышата, Нежата, Петрята, Твердята; в XIII в.— Гюрята, Жидята, Жирята, Климята, Милята, Острята (см. еще Редятину улицу); позднее в Новгороде таких имен нет. Были они и в других городах: в Киеве в XI в.— Гродята, Путята, Славята; в Смоленске в XIII в.— Путята; в Пскове в XIII в.— Тешата. Женских имен с этим окончанием мы не знаем. В надписи буквы **дошрь** после имени Дядята могут и не значить **дошерь**, — это не согласуется с далее следующими буквами: **кротъкъ**. Имя Рогнеда имеет

¹ См. Щепкин. Новгородские надписи, табл. VI, 32 и табл. IV, 20.

² Там же, стр. 34.

³ Русская историческая библиотека, т. VI. СПб., 1908, стб. 10 (Канонические ответы митрополита Иоанна 1080—1089 гг.).

⁴ Смирнов. Древнерусский духовник. М., Синодальная типография. Материалы, стр. 9.

⁵ См. Срезневский. Материалы, т. III, стб. 641.

иное окончание. Правда, женских имен от древней Руси вообще дошло мало, но все же они известны. Женские имена у всех народов отличаются по окончаниям от мужских. Имена на «ята» были в древнем Новгороде столь распространены, что мы явно имеем дело с какой-то языковой нормой, едва ли допускавшей двусмысленность.

Если Гостята мужчина, то содержание письма можно понять следующим образом. Гостята жалуется на своего отца, женившегося на двух новых женах и отнявшего по этому случаю у него имущество. Отец здесь является носителем традиций большой семьи, патриархально распоряжаясь имуществом ее членов. Сын опирается на новые, городские, нормы, требуя отдельного владения. Он обращается к некоему Василию, надеясь, что тот приедет, сотворив добро, т. е. поможет.

Даем текст письма с разделением на слова:

1. От Гостяты к Васильви. Еже ми отць дая
2. л и роди съдаяли, а то за нимь. А ныне во-
3. дя новую жену, а мне не въдасть ничь-
4. то же, и зби в руки пустил же мя, а ину
5. ю поял. Доеди, добре сотворя.

Грамота десятая (№ 10)

ГРАМОТА (НАДПИСЬ) НА ОБОДКЕ СОСУДА

Надпись сделана на ободке берестяной чашечки, может быть солонки, найденной на глубине 2,45 м, между пятым и шестым строительными ярусами, возле мостовой. Ободок снизу имеет зубчатый вырезной узор. Надпись сделана в две строки и целиком сохранилась. Ширина 2,8 см, длина полоски с надписью 30 см.

Палеографические приметы надписи на ободке ведут к XV в., во многом напоминая запись о поземе и даре; в частности, в надписи имеем позднее написание буквы у, как в записи о поземе.

Приводим текст надписи:

1. естьградъмеждунобомъиземлеюакпомудепосолъбезъпути
2. самънимъвезеграмотунепсану

По объяснению В. П. Адриановой-Перетц: «надпись на ободке сосуда представляет собой загадку, известную и по рукописям, и в устной традиции: град—Ноев ковчег, посол — голубь, грамота написанная — масличная ветвь, оповещающая о прекращении потопа. Загадка идет от апокрифической литературы¹. Все варианты этой загадки собраны в статье В. Н. Перетца². Очень интересна орфография надписи, типичная для Севера: и вместо ѣ в слове **нимъ** (ним — нѣмой). Странно написание: **нобом** — небом; **ному** — нему».

Даем текст надписи с разделением на слова:

1. **Есть град между нобом и землю, а к ному еде посол без пути**
2. **сам ним везе грамоту непсану.**

¹ См. И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1877, стр. 400.

² См. «Этнограф. вісник», т. X. Студей над загадками.

НАДПИСИ

№ 1

НАДПИСЬ НА МОРЖОВОЙ КОСТИ

Надпись вырезана на моржовой кости. Она состоит из четырех букв:
домо

Буква д выделена как заглавная; она имеет несколько узорную форму. Можно предполагать, что надпись сделана владельцем кости. Известны новгородские имена — Домонт, Доможир. Слово **доможирич** обозначало также (по уставу Святослава Ольговича 1137 г.) княжеского дворецкого или казначея: «иже выдаеть домажиричь из Онега»¹.

№ 2

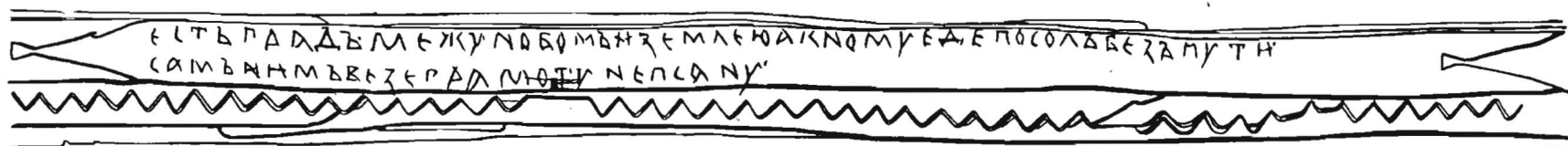
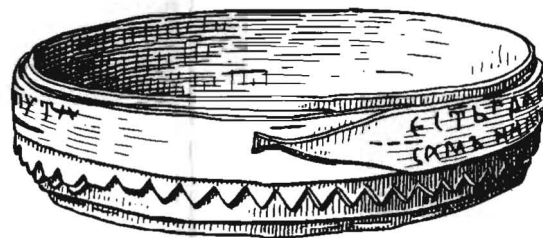
НАДПИСЬ НА ДЕРЕВЯННОМ ЦИЛИНДРЕ

Надпись вырезана на тщательно сделанном деревянном цилиндре (длина — 8 см, ширина — 5,5 см) с двумя взаимно перпендикулярными каналами внутри. На цилиндре помещены так называемый знак Рюриковичей и надпись в три строки:

1. ѣм
2. њцагри
3. вныг

1. Буквы ѣ и м отделены друг от друга выходом внутреннего канала.
2. Цифра г (з) выделена точками и поставлена под титлом.

¹ М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 20.

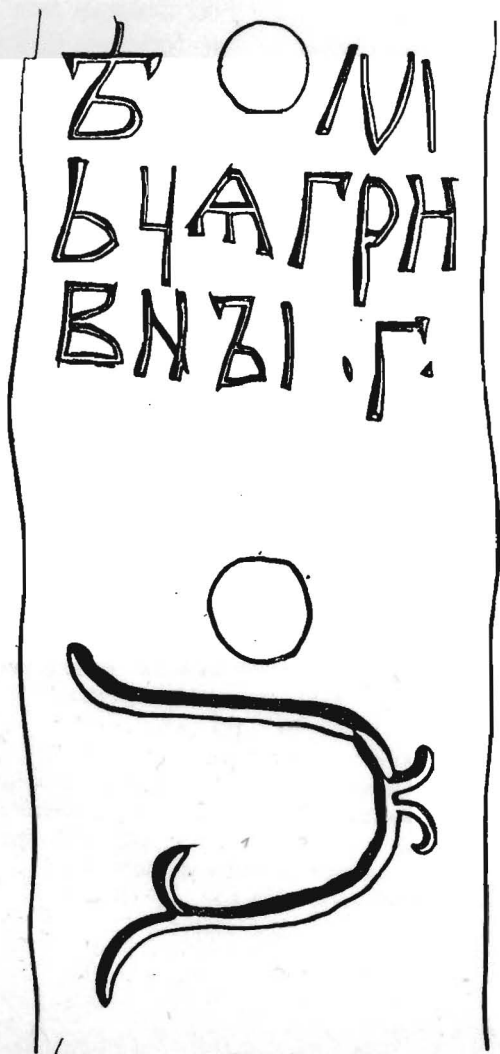

1 2 3 4 см

Грамота десятая. Надпись на ободке сосуда (фотография и рисунок ободка и прорись надписи)

Надпись (№ 1) на моржовой кости (фотографии верхняя — $\frac{2}{3}$ н. в., нижняя увел. в 2 раза).

0 1 2 3 4 5 CM

Надпись (№ 2) на деревянном цилиндре (фотография, прорись надписи и рисунок цилиндра).

Палеографические особенности надписи отличаются значительным архаизмом и близки к надписям на стенах Софийского собора. Так, буква **ѣ** поставлена еще в строке и по высоте не превышает соседнюю букву **м**. Она имеет наклон вправо, как и в надписях на стенах Софийского собора¹. Характерной особенностью надписи является то, что мачты у букв сделаны несколько кривыми линиями, что зависело от материала и формы предмета. В целом же надпись сделана очень тщательно. Только раз составитель надписи, повидимому, ошибся (см. на последней строке букву **и**).

Надпись имеет очень важное историческое значение, так как слово **емец** в значении княжеского должностного лица известно только по «Русской Правде»: «а от гривны 12 гривну емъцю 70 коун»². В другом Археографическом списке краткой редакции «Русской Правды» читаем: «а от 12 гривну емъчю 70 коун»³.

Характерно, что слово **емец** упоминается только в древнейшей, краткой редакции «Русской Правды» и почти неизвестно по другим памятникам. Таким образом, надпись дает второе упоминание об **емце**, которому принадлежал деревянный цилиндр, может быть служивший для хранения гривн, судя по надписи на нем: **3 гривны**.

Так называемый знак Рюриковичей, сделанный на цилиндре, является как бы зеркальным изображением того варианта знака, который исследователями приписывается Олегу Святославичу⁴. Брат его Глеб относительно долгое время был новгородским князем. Впервые о нем как новгородском князе упоминается под 1069 г.; он был убит за Волоком в 1079 г.⁵ Таким образом, подтверждаются близость **емца** к князю и значение княжеской тамги. В словаре Памвы Берынды XVII в. слово **емство** объяснено так: «емство — рукоимство, порука»⁶.

¹ См. Щ е п к и н. Новгородские надписи, стр. 38 («ъ состоит из мачты, обыкновенно наклонной вправо»).

² «Русская Правда», стр. 72.

³ Там же, стр. 81.

⁴ См. А. О р е ш н и к о в. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. «Известия Академии Наук», 1930, № 3, стр. 101 и 107; Б. А. Р ы б а к о в. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. «Советская археология», 1940, № 6, стр. 232, 233.

⁵ См. Новгородская летопись, стр. 17, 18.

⁶ См. И. П. С а х а р о в. Сказания русского народа. М., 1849, т. II.

НАДПИСЬ НА ДЕРЕВЯННОЙ КРЫШКЕ КАДУШКИ

Надпись вырезана на деревянной крышке от кадушки. Она состоит всего из трех знаков:

𐌰𐌆𐌃

Первый из знаков напоминает как бы двойную букву **т**, поставленную одна над другой. Далее следуют буквы **нь**, которые имеют архаическую форму¹. Следует отметить, что первый знак в надписи, подобный двойной букве **т**, находит почти полную аналогию в смоленском знаке на кирпиче, изданном Б. А. Рыбаковым². По мнению А. В. Арциховского, первая буква надписи на крышке сосуда является глаголическим **М**. От основного типа этой буквы она отличается лишь отсутствием боковых маленьких колечек. Но вырезать эти колечки простым средневековым ножом на сосновой доске едва ли возможно. Сравнение с настенными надписями здесь не подходит, они вырезаны шильцем на цемянке. На крышке кадушки все линии поневоле прямолинейны, в том числе и **ь**, еще прямолинейнее, чем на грамотах. Глаголическое **М** и без колечек сохраняло свой понятный и своеобразный контур. П. Я. Черных упоминает глаголическое **Л** на монете Владимира³. В. Л. Янин указал это **Л** на золотых монетах в надписи «Владимир на столе» (в обоих словах); оно тоже лишено там колечек, чем подтверждается применение на Руси такого упрощения. Слово **мнь** можно читать **мень**, что значит налим. Надпись заставляет предположить, что несколько кадушек с рыбой стояло рядом, и, чтобы их различить, на крышках были надписи.

№ 4

НАДПИСЬ НА НИЖНЕМ ВЕНЦЕ СРУБА

Надпись сделана на бревне, являвшемся нижним венцом сруба. Она состоит всего из одной буквы, вырубленной тремя ударами топора:

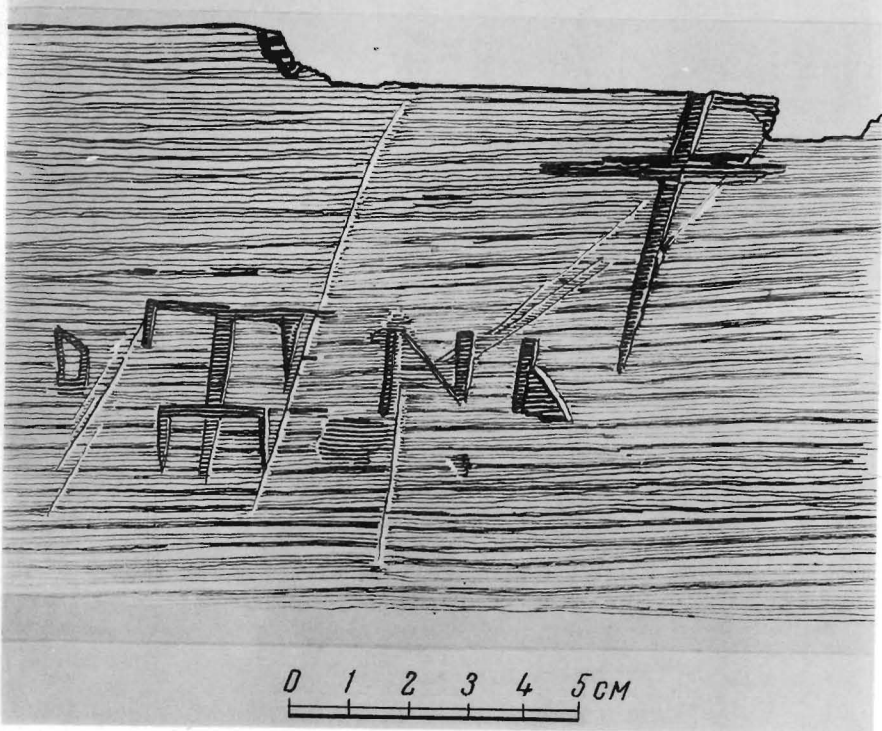
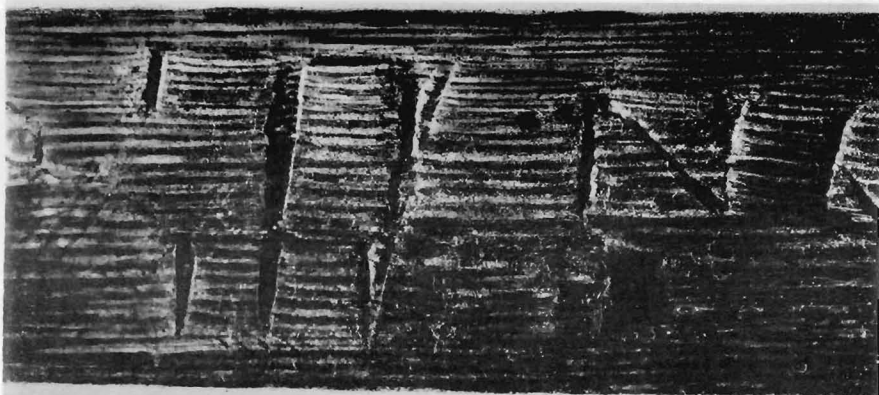
А

Сверху имеется небольшая зарубка, показывающая на титло, следовательно, мы имеем перед собой цифру — **а** (1). Тем самым выясняется назначение самой зарубки, которая была меткой для первого венца сруба. Палеографической особенностью буквы **а**, вырубленной на бревне, является короткая, но косая мачта и длинная острая петля.

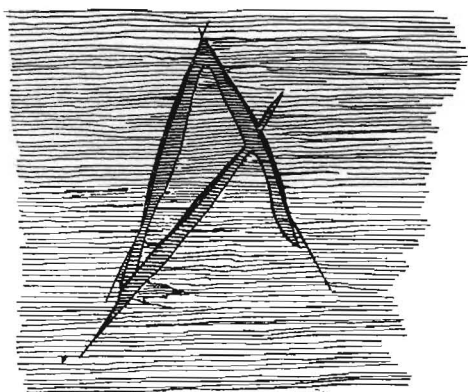
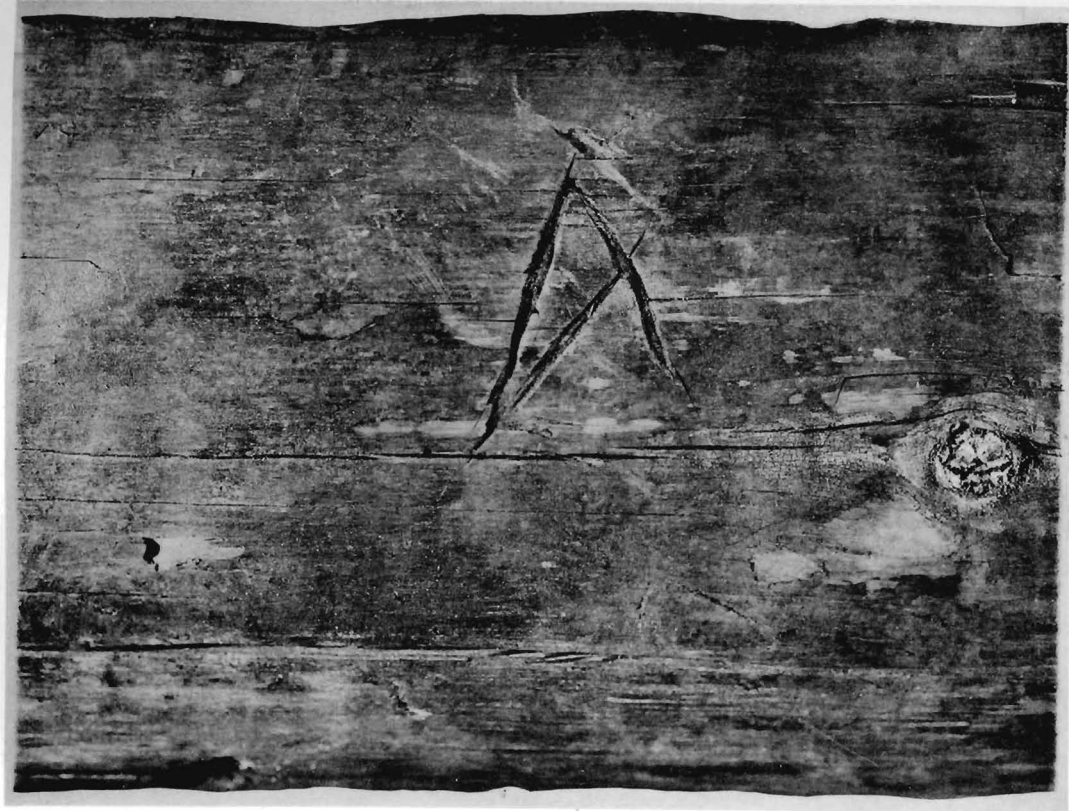
¹ См. Щенкин. Новгородские надписи, рис. 15 и 30.

² См. Б. А. Рыбаков. Ремесло в древней Руси. М., 1948, стр. 493, рис. 14 (в обратном положении).

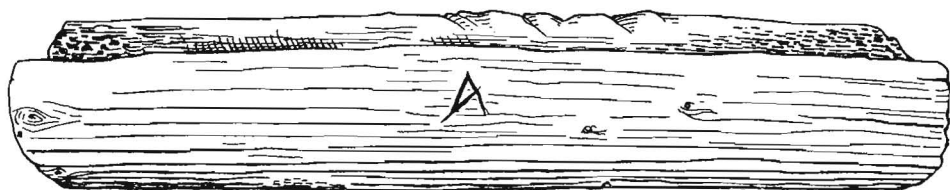
³ См. П. Я. Черных. Язык и письмо. История культуры древней Руси. М.— Л., 1951, т. II, стр. 134.

Надпись (№ 3) на деревянной крышке кадушки (фотография и рисунок).

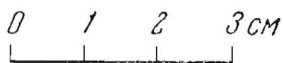

0 1 2 3 CM

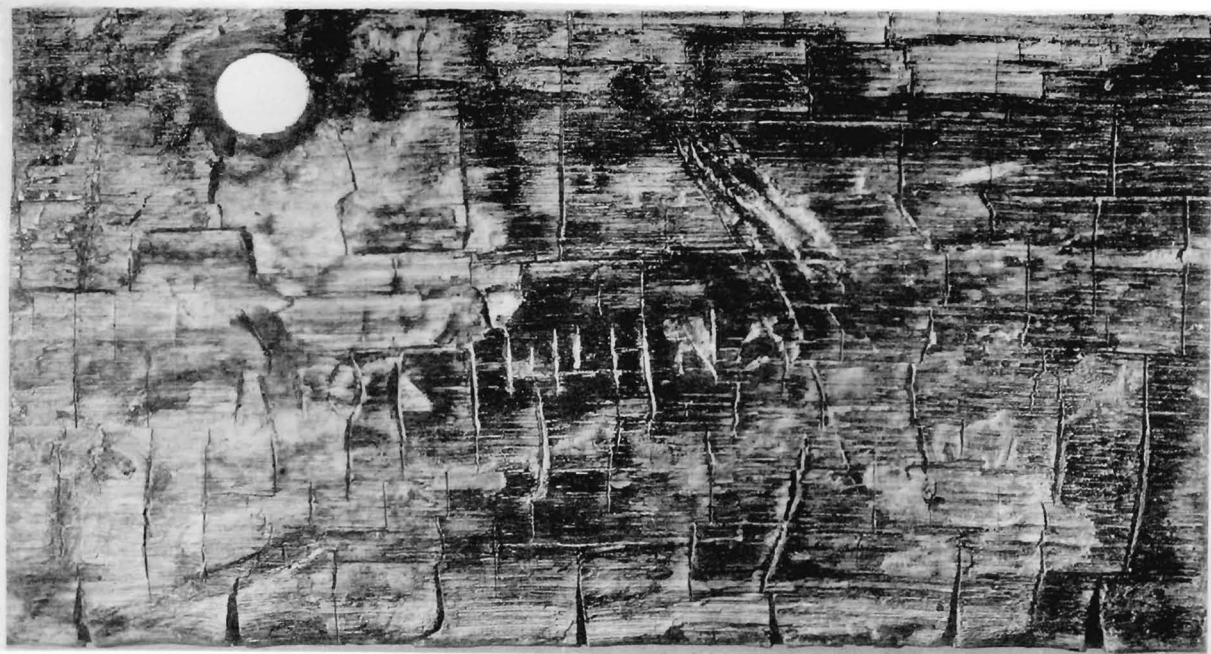

0 5 10 CM

Надпись (№ 4) на нижнем венце сруба (фотография, прорись и рисунок).

Надпись (№ 5) на медной пластинке (фотография и прорись).

Надпись (№ 6) на днище бочки (фотография и прорись).

НАДПИСЬ НА МЕДНОЙ ПЛАСТИНКЕ

Надпись сделана на медной узкой пластинке, в которой имеется несколько отверстий для мелких гвоздиков. Пластинка прикреплялась к деревянному или костяному предмету; с обоих концов она обломана. Надпись сохранилась не полностью, причем средние слова отделены от начальных и конечных двоеточиями:

t : me : buris : ab

По объяснению А. В. Арциховского, слово **me** (меня) дает опору для реконструкции текста. Это подпись к изделию, а на подобных средневековых надписях встречаются слова **fecit me**. Перевести надпись можно так: «сделал меня бурис от ...» А. И. Смирницкий сообщил, что имя Бурис не может быть отнесено к именам германского или вообще западноевропейского происхождения. Это, очевидно, русское имя Борис.

Переход **о** в **у** постоянно встречается в германских языках; тем более этот переход понятен для русского неударного **о**.

Имя Борис — русское, притом очень распространенное в Новгороде. Обычай метить именами мастеров готовые изделия из металла засвидетельствован для Новгорода¹. Повидимому, пластинка была прикреплена к какому-то предмету, изготовленному для продажи иноземцам в самом Новгороде или для вывоза за границу.

НАДПИСЬ НА ДНИЩЕ БОЧКИ

Найдена на Ярославовом дворище при раскопках 1947 г.

Надпись вырублена топором на днище бочки и состоит из одного слова:

юрищина

Перекладины у букв **ю**, **и** поставлены посередине; буква **и** написана в виде латинского **N**; несколько неопределенное выглядит буква **а** с небольшим хвостиком. По своим палеографическим особенностям надпись относится к XII—XIII вв. Она указывает на принадлежность бочки некоему Юрищу — производное от имени Юрий, очень распространенного в Новгороде.

¹ См. Б. А. Рыбаков, *Ремесло в древней Руси*, стр. 490—500.

НАДПИСЬ НА АРШИНЕ

Найдена на Ярославовом дворище при раскопках 1948 г.

Надпись сделана на деревянной пластинке длиной 15 см, шириной 2 см; один край пластинки обломан. Ближе к облому на одной стороне ясно видны буквы:

свАТОГО КВАНОС

Последняя буква неразличима, она напоминает часть буквы **к**. Незначительное количество букв в надписи затрудняет ее датировку. Наиболее характерна неровная буква **в** с маленькой верхней петлей, типичная для XIV в. («верхний кузов начинает делаться все меньше и входит как бы острием в нижний кузов»¹). Слово **еванос(к)** напоминает **локоть еваньскыи** в уставе Всеволода «о церковных судах и о людех и о мерилах торговых до 1136 г.»² Характерно, что в уставе локоть назван **еваньским**, тогда как тут же указаны **иваньские** сторожа, староста, поп. Вероятно, здесь имеем уже установившийся технический термин. Сохранившаяся надпись **еванос(к)** точно соответствует термину **еваньскыи** в уставе, так как буква **о** в новгородских документах нередко заменяла **ъ** или **ь**. Это указывает на назначение предмета с надписью. Перед нами **еваньскыи локоть**, т. е. древнейшая мера длины, употреблявшаяся в Новгороде. Образец локтя хранился в церкви Ивана Предтечи на Опоках — патрональной церкви купеческого объединения в Новгороде, известного под названием **Иваньского ста**.

№ 8

НАДПИСЬ НА ДЕРЕВЯННОЙ КОЛОДКЕ

Найдена на Ярославовом дворище при раскопках 1947 г.

Надпись сделана на колодке женской обуви и состоит из одного слова:

мнези

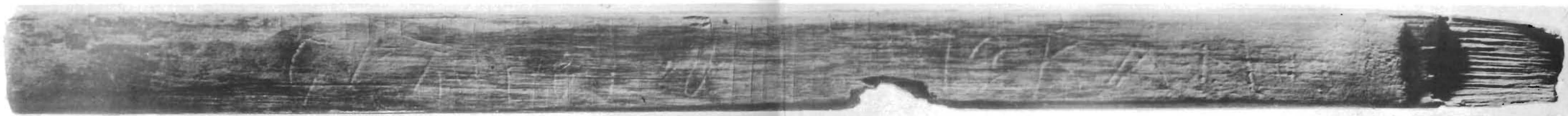
Буква **н** носит еще здесь форму латинского **N**, но буква **и** показывает относительно позднее происхождение надписи; буква **и** в ее современном способе написания начинает особенно употребляться с XV в. Совершенно такое же написание указано Шляпкиным для XV в.³ Перед **и** буква **зело**. А. В. Арциховский считает, что надпись является именем или прозвищем заказчицы⁴.

¹ И. А. Шляпкии. Русская палеография. СПб., 1913, стр. 47.

² См. Новгородская летопись, стр. 485.

³ См. И. А. Шляпкии. Русская палеография, стр. 52.

⁴ См. А. В. Арциховский. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.— Л., 1949, вып. XXVII, стр. 122.

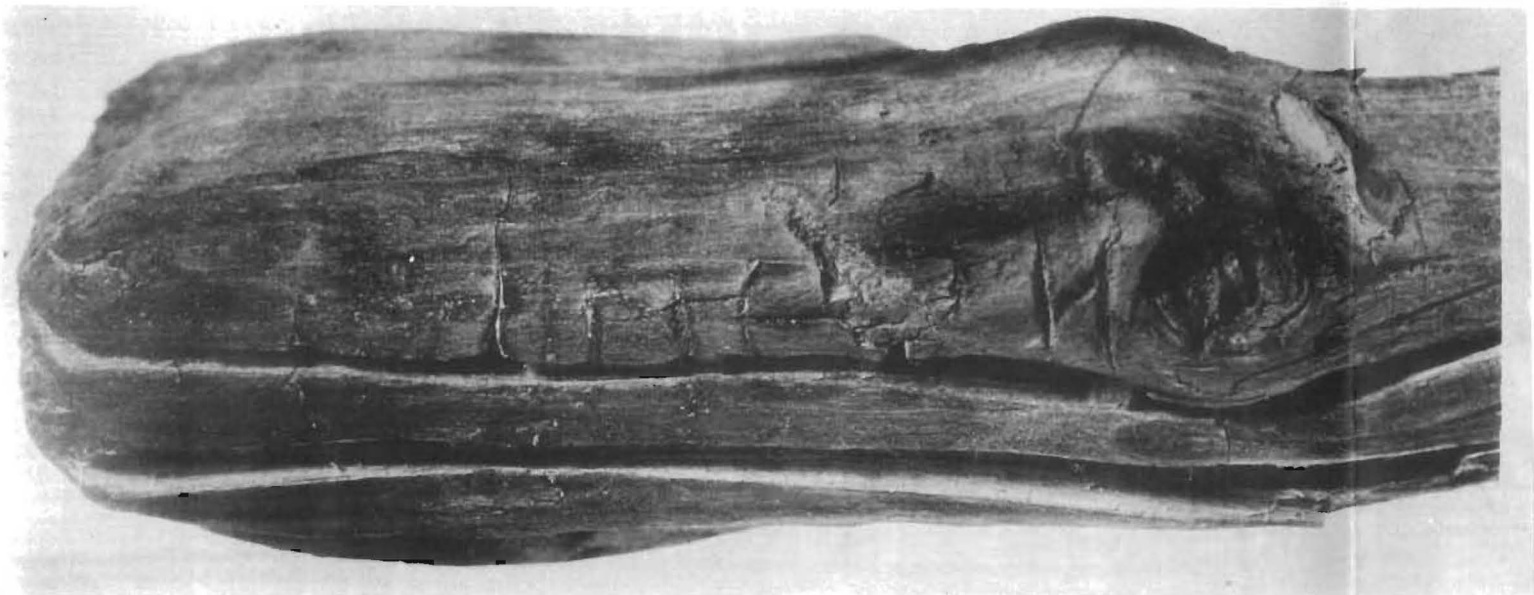

СЪАТОГО КЪ ВАНОСК

0 1 2 3 4 5 6 см

Надпись (№ 7) на аршине (фотография и прорись).

0 1 2 3 4 5 6 см

ЛЛНЕТН

Надпись (№ 8) на деревянной колодке (фотография и прорись).

1 2 3 см

СМОРА

Надпись (№ 9) на чаше (фотография и прорись. Н. в.).

НАДПИСЬ НА ЧАШЕ

Найдена на Ярославовом дворище при раскопках 1948 г.

Надпись сделана на донышке плоской деревянной чаши в 13 см в диаметре; один бок чаши срезан. Надпись состоит из одного слова:

смова

По характеру букв надпись должна быть отнесена к XIII—XIV вв. Наиболее интересны в этом отношении буква **м** с навесами над ее двумя верхними окончаниями, а также буква **с** с навесом над ней. Слово **смова** в словаре Срезневского не указано.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ
ДАТИРОВКА
ГРАМОТ И НАДПИСЕЙ

СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ ДАТИРОВКА ГРАМОТ И НАДПИСЕЙ

Новгородские грамоты на бересте и надписи на предметах могут быть датированы не только палеографически — по форме букв, но и стратиграфически — по слою, в котором они были найдены. Взаимопроверка этих хронологических выводов тем важнее, чем независимее они друг от друга.

Для хронологических целей весь культурный слой всего раскопа должен быть рассмотрен и разделен по векам. Только после этого можно говорить о возрасте отдельных находок. Датировка культурного слоя неизмеримо труднее, чем датировка погребений, на которых археологи обычно основывают хронологию. Погребения дают совокупность предметов, одновременно попавших в землю, а слои насыщены предметами, попадавшими туда одновременно. Поэтому, если время погребений обычно устанавливается по отдельным предметам, то для хронологии слоев отдельные предметы почти безразличны: ведь почти всегда можно предположить случайность их попадания на тот или иной уровень. Другое дело — находки повторяющиеся. Только они позволяют и в слоях устанавливать хронологическую закономерность.

В Неревском раскопе, где найдены все берестяные грамоты, культурный слой достигал глубины от 7 до 7,5 м. Археологам почти никогда не приходилось иметь дело со столь мощными слоями. Эта мощность сама по себе помогла здесь выяснению хронологических закономерностей; благодаря этому мы имели и необходимые статистические основания. К счастью, мощность была соединена здесь с небывалой четкостью напластований, т. е. с отсутствием ям. Это обстоятельство вместе с обилием датированных находок дает прочные основания для хронологических выводов, несмотря на отсутствие датированных по летописи строительных слоев каменных построек, которые легли в основу хронологии при раскопках в Новгороде на Славне и в восточной части Дворища.

На всей площади Неревского раскопа (324 м²; квадрат — 18 на 18 м) за тысячу лет почти вовсе не было ям; такое явление при раскопках вообще наблюдается очень редко. Именно ямы всегда являются основным препятствием

для изучения слоев: прослеживать их иногда трудно, а из-за ям предметы разных веков могут оказаться в непосредственном соседстве.

В XIX—XX вв. на месте раскопа был сад, погибший во время Великой Отечественной войны. Этим объясняется отсутствие значительных перекопов позднего времени. Малкие перекопы садоводов и корни деревьев несколько потревожили верхний слой, но доходили лишь до уровня XVII в., кое-где, может быть, XVI в. Это подтверждается не только выяснением самих ям, но и вещами последних четырех-пяти веков, находимыми в некоторых местах вспрежку. Ниже нигде уже не было подобного смешения.

Это отсутствие в основных слоях ям, как поздних, так и древних, может быть доказано различными способами. Прежде всего они отсутствовали в профилях, что, впрочем, никогда не исключает возможности перекопов в пространствах между профилями. (Экспедиция сняла подробные профили, причем культурный слой был разделен, помимо 37 пластов и 25 строительных ярусов, еще на 4 слоя; однако этот способ выяснения стратиграфии имеет здесь меньшее значение, чем обычно, вследствие общей ее четкости и обилия деревянных настилов.) Важнее, что при ежедневных зачистках археологических уровней пятна ям не открывались. Ценным аргументом является также непо потревоженность деревянных сооружений. Наконец, к тому же выводу приводят наблюдения над повторяющимися находками, прежде всего над находками стеклянных браслетов, затем пряслиц, бус, печатей и т. д.

Деревянными сооружениями раскоп был насыщен. В том числе открыты деревянные уличные мостовые Холопьевой улицы, сменявшие друг друга на протяжении веков. Это объясняется тем, что по мере нарастания культурного слоя улицу мостили заново, что происходило в каждом веке несколько раз. Мостовые уже неоднократно встречались при раскопках в Новгороде; новостью здесь было большое их количество: 25 (глубина их залегания от 1,3 до 6,2 м). Все окаймлявшие улицу сооружения были в процессе раскопок соответственно разделены на 25 строительных ярусов. Сюда входили нижние венцы нескольких десятков сменявших друг друга домов, амбаров и иных построек, также ряд дворов, замощенных то деревом, то камнем. При прежних новгородских раскопках неоднократно попадались деревянные сооружения, в том числе мостовые, пробитые насквозь позднейшими ямами; в Неревском раскопе этого не было ни разу. Все мостовые, срубы и т. д. были совершенно лишены подобных следов. На некоторых уровнях (особенно часто на уровне от 3,8 до 5,2 м) раскоп был почти сплошь устлан деревом; там каждая яма, даже маленькая, если бы она существовала, была бы легко замечена.

Находки стеклянных браслетов (точнее, их обломков) приводят к тому же выводу. Это самая частая находка во всех древнерусских городах. Они считаются, как известно, вернейшим признаком слоев XI—XIII вв. В Неревском раскопе они были такие же, как всюду (обычные цвета: синий, зеленый, желтый, фиолетовый). Надо привести их распределение по глубине залегания,

по пластам, толщина каждого из которых 20 см (археологическая отчетность на раскопках в Новгороде ведется как по строительным ярусам, так и по пластам). Общее число стеклянных браслетов в Неревском раскопе 437. В верхних пластах (от 1-го до 11-го) их не было ни одного. Между тем во всех древнерусских городах поздние ямы, перерезающие древние слои, постоянно выносят стеклянные браслеты в верхний слой (они и в Новгороде часто попадают на огородах). Здесь этого не произошло ни разу. Следующие пласты дают такие цифры находок стеклянных браслетов: 12-й пласт — 1 браслет, 13-й — 1, 14-й — 3, 15-й — 29, 16-й — 57, 17-й — 16, 18-й — 37, 19-й — 69, 20-й — 65, 21-й — 63, 22-й — 62, 23-й — 16, 24-й — 16, 25-й — 1, 26-й — 1. Нижние пласты (от 27-го до 37-го) снова не имели стеклянных браслетов; значит перекопов не было и там. Цифры эти достаточно велики, так что статистика объективна.

Объяснить такое отсутствие ям можно лишь тем, что землю рыли для разных целей главным образом на задних дворах, а не на улице и це в ее непосредственной близости. При всем том отдельные маленькие ямы остаются кое-где возможными, ведь в некоторых случаях они не могут быть уловлены средствами современной археологической методики. Поэтому и в Неревском раскопе, как всюду, датировка культурного слоя может быть основана только на повторяющихся находках. Четкость напластований придает лишь особую убедительность хронологическим выводам.

Массовой находкой являются прежде всего те же стеклянные браслеты. Бытовали они не позже XIII в., что неоднократно установлено при городских раскопках. В частности, хорошую дату при моих раскопках в Новгороде на Славне дала строительная прослойка 1335 г., связанная с каменной стеной, построенной в этом году посадником Федором Даниловичем¹. Ниже этой прослойки там было найдено 1105 стеклянных браслетов, а выше — только 4 (возле стены было мало поздних ям; в других раскопах на Славне, где таких ям было много, стеклянные браслеты встречались во всех пластах часто). Это позволяет утверждать, что в конце XIII в. (или, может быть, в начале XIV в.) эти украшения в Новгороде исчезали (повидимому, несколько позже, чем в других землях, где это связывают с монгольским нашествием). Труднее определить время их появления. Б. А. Рыбаков ошибался, относя это время к X в. на основании находки в Черной могиле в Чернигове². Там стеклянный браслет найден, по словам Д. Я. Самоквасова, «непосредственно под дерном»³, т. е. он моложе кургана. Но и для XI в. бытование на Руси этих украшений хотя и признается всеми археологами, но окончательно не доказано пока нигде, если не считать

¹ См. А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 11, М., 1949, стр. 124, 140.

² См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 398.

³ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916, стр. 7.

Белой Вежи на Дону. Ни в одном русском городе слой XI в. не были, судя по публикациям, четко отделены от слоев XII в. В XII в. стеклянных браслетов было множество, судя по раскопкам многих городов (Киев, Галич, Владимир, Суздаль, Рязань, Дмитров, Смоленск, Белоозеро и мн. др.). Производство этих украшений существовало, вероятно, во всех русских землях и едва ли одновременно в них возникало. Бытование их в Новгороде немного дольше, чем в других землях, позволяет предполагать новгородское производство. Во всяком случае, появление стеклянных браслетов в Новгороде датировать пока труднее, чем их исчезновение (едва ли, впрочем, они появились здесь много позже, чем в Белой Веже: слишком связаны были между собой все русские земли). Мне и раньше случалось отмечать, что для самых ранних новгородских напластований эти украшения не характерны, но этот вывод приходилось делать по тонким прослойкам¹. В Неревском раскопе удалось впервые в Новгороде открыть толстый древний слой, где стеклянных браслетов еще нет. Датировка его должна быть произведена по другим находкам.

Наряду со стеклянными браслетами все археологи считают характерными для домонгольской Руси древностями шиферные пряслица (производившиеся, как известно, в Овруче на Воляни). Но эти две группы предметов не совпадают хронологически. Шиферные пряслица появились раньше. Б. А. Рыбаков убедительно доказал на основании Гнездовских курганов (под Смоленском), что это произошло в X в.² Неревский раскоп позволяет утверждать, что шиферные пряслица бытовали в Новгороде больше всего тогда, когда стеклянных браслетов еще никто не носил. Прежние новгородские раскопки не давали оснований для таких выводов, поскольку слой X—XIII вв. там был сравнительно тонок и делить его было трудно. В Неревском раскопе шиферных пряслиц найдено 65, цвет их, как обычно, розовый, иногда довольно яркий. Три из них найдены в самом верхнем слое вместе с предметами XVIII—XIX вв. (пласты 3-й, 4-й и 6-й — по одному). Возможно, что они попали туда вместе с землей, привезенной со стороны при устройстве вышеупомянутого сада. Дальше, до 19-го пласта включительно, шиферных пряслиц не было вовсе. Следующие пласты дают такие цифры находок: 20-й—2, 21-й—4, 22-й—4, 23-й—4, 24-й—6, 25-й—9, 26-й—4, 27-й—нет, 28-й—4, 29-й—7, 30-й—8, 31-й—6, 32-й—3, 33-й—нет, 34-й—1, дальше нет. Шиферные пряслица проникли из Овруча в Новгород, очевидно, тогда же, когда в Смоленск, т. е. в X в.

Следующей категорией находок, интересных для хронологии, являются бусы. Они также принадлежат к находкам повторяющимся, и, что очень важно, их типы хорошо известны по могильникам и курганам, где даты устанавливаются точнее, чем это может быть сделано в культурных слоях. Сплошной

¹ См. А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде, стр. 129.

² См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 194.

просмотр найденных в Неревском раскопе бус приводит к выводу, что распределение их по пластам в точности соответствует принятым для них датам. Здесь надо привести те типы бус, которые важны хронологически. Все остальные перечислить невозможно, так как это заняло бы очень много места, но, во всяком случае, ни одна бусина (все они мною проработаны) не нарушала хронологических выводов.

Синие стеклянные винтообразные бусы хорошо известны по поздним русским курганам лесной полосы. Цвет их густосиний, получались они путем разбивания винтообразной стеклянной полосы на части. Дата их XIII—XIV вв.¹; в многочисленных ранних курганах они отсутствуют повсеместно. В Неревском раскопе таких бус найдено шесть, притом все на одном и том же уровне, в пластах 16-м и 17-м, но в разных квадратах и на больших расстояниях друг от друга, что не позволяет относить их к одному ожерелью и увеличивает их хронологическое значение (пласт 16-й, квадраты 11, 31, 69, 81; пласт 17-й, квадраты 30, 50).

Наиболее типичные для русских славян сердоликовые бипирамидальные бусы, количество которых в музеях огромно, датируются XI—XIV вв.²; многочисленные их публикации все укладываются в эти даты³. В Неревском раскопе этих бус найдено четыре (пласт 21-й, квадрат 3 — две; пласт 21-й, квадрат 36 — одна; пласт 24-й, квадрат 43 — одна).

Позолоченные стеклянные бусы, бочкообразные и ребристые, считаются в археологии надежным признаком XI в.; немного они заходят в X в., с одной стороны, в XII в. — с другой; даты их проверены много раз, в том числе по ряду находок с монетами⁴. Между бочкообразными и ребристыми бусами разницы в возрасте нет; нет такой разницы и между позолоченными и посеребренными (последние встречаются реже); но особо надо выделить маленькие зонные позолоченные бусы, отличающиеся от обычных крупных бочоночков; они несколько старше: в приладожских курганах, например, они характерны для X в.⁵ В Неревском раскопе найдены: три обычных позолоченные бочкообразные (пласт 26-й, квадрат 16; пласт 29-й, квадраты 31, 32), две посеребренные бочкообразные (пласт 28-й, квадраты 21, 32), две позолоченные ребристые (пласт 25-й, квадрат 13; пласт 26-й, квадрат 12), три маленькие зонные позолоченные (пласт 30-й, квадраты 40, 55; пласт 31-й, квадрат 67). Позолота в большинстве случаев яркая и чистого оттенка.

¹ См. А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 33 и 140

² Там же, стр. 36, 139 и 146.

³ Для ранней даты см., например: Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XXX, М., 1949, стр. 33 и 37.

⁴ См. А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 32, 145 и 147; Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 37; П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Л., 1931, стр. 15; Б. А. Рыбаков. Радимичи. Минск, 1932, стр. 104—105.

⁵ См. Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. СПб., 1895, стр. 150.

Надежным признаком X в. в археологии считаются желтые стеклянные бусы, так называемые лимоновидные¹, появившиеся еще в IX в., а в XI в. не заходящие. На лимоны они похожи вдвойне: оттенком желтого цвета и формой; на обоих концах у них такие же сосковидные бугорки, как у лимонов. Бусы эти много раз найдены с монетами IX и X вв. и ни разу не найдены с монетами XI в. Они хорошо представлены, судя по коллекциям Исторического музея, во всех типичных могильниках IX—X вв.: в Максимовском близ Муррома, в Лядинском близ Тамбова, в Чем-шай близ Глазова, в Аниковском близ Чердыни и т. д. Славяно-русские курганы не составляют исключения. Важнейшие из этих курганов IX—X вв., Гнездовские близ Смоленска, дали довольно много таких бус. Важно для даты и распределение их в курганах Новгородской земли. Их вовсе нет среди десятков тысяч бус из многочисленных курганов Водской пятины, датируемых XI в. и позже. Зато в курганах Южного Приладожья в трупосожжениях IX—X вв. это самые частые бусы². Наиболее характерны они в Приладожье для первой половины X в.³ В Неревском раскопе найдено пять лимоновидных бус, и все они совершенно закономерно залежали в самых нижних пластах, где находок вообще было уже мало (пласт 30-й, квадрат 30; пласт 32-й, квадраты 8, 21, 40; пласт 33-й, квадрат 68).

С лимоновидными бусами в тех же могильниках и курганах встречаются еще два типа бус, дата которых та же; по материалу бусы обоих типов стеклянные, по форме зонные, но различаются узорами: 1) черные с белыми разводами и красно-бело-синими глазками, 2) с черными продольными полосами по светлomu фону. Оба типа представлены в Неревском раскопе в тех же пластах (первый тип — пласт 31-й, квадрат 4, второй — пласт 33-й, квадрат 53).

Наконец, надо коснуться сердоликовых шарообразных бус. Эти мелкие и довольно правильные шарики наиболее типичны для известного Салтовского могильника под Харьковом, датированного VIII—IX вв.; там более 90% многочисленных каменных бус относятся к этому типу. В X в. они еще встречаются, хотя в ожерельях уже нигде не преобладают: так, они восемь раз по одному экземпляру найдены в Гнездовских курганах; представлены они и в курганах Приладожья, а также в Лядинском и Аниковском могильниках и т. д. Типы каменных бус вообще долговечнее, чем типы стеклянных, поскольку самый материал прочнее; но в X в. этот тип является уже исключением, хотя и не редким, в XI в. и позже — редчайшим исключением. В вышеупомянутых многочисленных курганах Водской пятины этих бус нет вовсе. В Неревском раскопе их три, и они ничем не отличаются от салтовских (пласт 29-й, квадрат

¹ См. Б. А. Рыбаков. Радимичи, стр. 94—95; М. В. Талыцкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 22, М., 1951, стр. 34.

² См. Н. Е. Брандenburg. Ук. соч., стр. 150; см. также в архиве Института истории материальной культуры отчет А. М. Линецкого о раскопках 1948 и 1949 гг.

³ См. Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладogi. «Советская археология», вып. XIV, Л., 1950, стр. 179.

11 — две; пласт 32-й, квадрат 28 — одна). Итак, изучение ранних бус, стеклянных и каменных, подтверждает, что нижние пласты раскопа надо датировать X веком (частично, быть может, IX веком); это помогает и датировке вышележащих пластов.

Затем свинцовые печати, т. е. вислые печати документов, распределяются по уровням залегания с такой же закономерностью, как бусы¹. Таких находок в Неревском раскопе было одиннадцать: из них две — в сравнительно поздних наслоениях (пласты 8-й и 9-й) и девять — в сравнительно ранних (пласты 22-й, 24-й, 25-й и 26-й).

Первая печать (пласт 8-й, квадрат 49) имеет на лицевой стороне изображение птицы с подписью: «орел»; на обороте надпись: «печать Великого Новгорода»; датируется она XV в., судя по общему типу и по надписи на обороте. Вторая печать (пласт 9-й, квадрат 73) имеет на лицевой стороне восьмиконечный крест с копьём и тростью; на обороте изображение богородицы типа «Знамение». В. Л. Янин нашел этой печати ряд аналогий при датированных грамотах новгородских архиепископов XV в.; в том числе при грамоте 1415—1421 гг. оказалась печать, изготовленная с той же матрицы, что делает дату очень точной.

Следующие печати отделены от первых двух значительным временем, судя и по стратиграфии, и по типологии. Третья (пласт 22-й, квадрат 12) имеет на лицевой стороне изображение Ивана Предтечи с греческой надписью его имени, на обороте — русскую надпись: «ги помози рабу своему Иевану». Н. П. Лихачев относит печати с надписями этого типа в основном ко времени Владимира Мономаха². В. Л. Янин возражает против этой датировки и относит найденную теперь печать ко второй половине XII в. (аргументация приведена в его статье). Но для хронологии пластов эта разница в несколько десятков лет не имеет значения. Четвертая печать (пласт 22-й, квадрат 30) по характеру изображения очень близка к третьей и явно одновременна; на одной ее стороне архангел Михаил, на другой — Иван Предтеча. В пятой печати (пласт 22-й, квадрат 15) на одной стороне Лазарь, на другой — Василий; в шестой (выброс из пласта 22-го или 23-го): на одной стороне архангел, на другой — Борис и Глеб; обе эти печати по типам тоже относятся к XII в. Дальше следует пять однотипных маленьких свинцовых печатей или, вероятнее, товарных пломб, с изображением процветшего шестиконечного креста на одной стороне, бородатого святого — на другой (пласт 24-й, квадрат 16 — две; пласт 25-й, квадраты 22, 60 — две; пласт 26-й, квадрат 20 — одна). Н. П. Лихачев утверждал: «Русские свинцовые печати с изображением святого с одной стороны и крестом процветшим с другой вообще принадлежат к числу древнейших»³. Он датировал их XI в.

¹ Печати, найденные в Новгороде, подготовил, по моему поручению, для отдельной публикации сотрудник экспедиции В. Л. Янин. Статья его здесь использована.

² См. Н. П. Л и х а ч е в. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, Л., 1928, стр. 103—134.

³ Т а м ж е, стр. 98.

Здесь перечислены все находки, имеющие основное значение для дат. Но я просмотрел и все остальные найденные в Неревском раскопе предметы. Важно, что ни один из них не противоречит своим залеганием намечаемой здесь хронологии. Ничего не дают для дат обильные в этом раскопе деревянные предметы, столь важные для истории техники и истории искусства. Типы этих предметов для науки новы, ведь древнерусские деревянные изделия стали известны как следует только недавно, при раскопках в Новгороде. Новгородские слои по ним поэтому не датируются, а наоборот, сами дают основу для их дат. Мало полезны для хронологии железные предметы: орудия труда, оружие и т. д. Правда, типы некоторых из них имеют археологические даты, но даты эти, как правило, слишком широки: железные изделия менялись медленно, и техническая их обусловленность долго заставляла повторять их формы. Важнее для хронологии металлические женские украшения курганных типов. В Неревском раскопе они имеются, но это находки единичные и поэтому менее полезные для хронологии, чем вышеперечисленные повторяющиеся находки. Мною специально проверены все даты этих украшений. Они тоже подтверждают хронологию. Здесь упомяну лишь об одной из этих находок, потому что это слишком известный курганный тип. В Неревском раскопе найдено целое ромбоэтикетное щитковоконечное височное кольцо, наиболее характерное для курганов Новгородской земли; оно точно датируется XI—XII вв.¹; дата соответствует, как и для других предметов, глубине залегания (пласт 24-й, квадрат 14).

Теперь можно, на основе вышеизложенной аргументации, перейти к датировкам отдельных берестяных грамот и надписей на предметах. Место находки грамоты № 1 — пласт 12, квадрат 38, глубина 2,4 м, между пятым и шестым строительными ярусами, непосредственно на мостовой. Это значительно ниже обеих печатей XV в.; первый стеклянный браслет найден на уровне этой грамоты, что является единичной находкой, мало существенной для даты, однако массовые находки браслетов начинаются всего на 40 см ниже, а это уже XIII в. Стратиграфически, таким образом, грамота датируется скорее XIV в., но возможна и предлагаемая М. Н. Тихомировым дата — начало XV в. Грамота лежала на мостовой, будучи, повидимому, потеряна или выброшена прохожим (вернее, выброшена, поскольку она разорвана на клочки).

Место находки грамоты № 2 — пласт 13, квадрат 75, глубина 2,6 м, между шестым и седьмым строительными ярусами, возле мостовой. Место находки грамоты № 3 — пласт 13, квадрат 36, глубина 2,5 м, между пятым и шестым строительными ярусами, вдалеке от мостовых и от построек. Место находки грамоты № 4 — пласт 14, квадрат 74, глубина 2,8 м, между седьмым и восьмым строительными ярусами, у наружной стороны жилого сруба. Грамоты № 2, 3 и 4, по вышеперечисленным соображениям (отношение их залегания

¹ См. А. В. А р ц и х о в с к и й. Курганы вятичей, стр. 145—148.

к залеганию печатей и браслетов), относятся стратиграфически уже, несомненно, к XIV в., что совпадает с датами, предложенными М. Н. Тихомировым.

Место находки грамоты № 5 — пласт 15, квадрат 71, глубина ровно 3 м, между восьмым и девятым строительными ярусами, вдалеке от мостовых и от построек. На этом уровне уже начинаются массовые находки стеклянных браслетов, что, как выше сказано, позволяет говорить о конце XIII в. или, в крайнем случае, о начале XIV в. Последнюю дату предлагает и М. Н. Тихомиров.

Место находки грамоты № 6 — пласт 16, квадрат 47, глубина 3,15 м, между девятым и десятым строительными ярусами, возле мостовой. Стеклянных браслетов на этом уровне еще больше, что позволяет уже решительно говорить о XIII в.

Место находки грамоты № 7 — пласт 22, квадрат 60, глубина 4,3 м, между пятнадцатым и шестнадцатым строительными ярусами, внутри жилого сруба. Стеклянных браслетов на этом уровне еще много, это еще зона их максимума, что позволяет говорить о XII в. Эта дата устанавливается здесь и точнее: в том же пласте найдены четыре печати XII в. Стратиграфия пряслиц и бус также вполне отвечает этой дате.

Место находки грамоты № 8 — пласт 23 (самая верхняя его часть), квадрат 76, глубина 4,42 м, между пятнадцатым и шестнадцатым строительными ярусами, непосредственно на мостовой. Строительный ярус здесь тот же, в котором найдена грамота № 7, что позволяет тоже говорить о XII в. Грамота лежала на мостовой, будучи, повидимому, потеряна прохожим.

Место находки грамоты № 9 — пласт 23, квадрат 30, глубина 4,56 м, между шестнадцатым и семнадцатым строительными ярусами, возле мостовой. На этом уровне уже начинает уменьшаться количество стеклянных браслетов, что позволяет говорить об XI в. Впрочем, бусы и печати, характерные для этого века, найдены несколько ниже, хотя и не намного (две первые печати этого типа залегали всего на несколько см ниже). Итак, стратиграфические даты грамот № 6, 7, 8 и 9, как и остальных грамот, совпали с датами, предлагаемыми М. Н. Тихомировым.

Место находки надписи на берестяном ободке (иначе называемой «грамота № 10») — пласт 13, квадрат 85, глубина 2,45 м, между пятым и шестым строительными ярусами, возле мостовой. Это тот же строительный ярус, где найдена грамота № 1. Дата поэтому и здесь — XIV в. или, самое позднее, начало XV в. Дата, предлагаемая М. Н. Тихомировым, — XV в.

Место находки бревна нижнего венца сруба с буквой А — пласт 11, квадрат 53, глубина 2,13 м. Бревно относится к пятому строительному ярусу и тем самым тоже датируется XIV—XV вв.

Место находки деревянной крышки кадушки с надписью — пласт 21, квадрат 78, глубина 4,1 м, между четырнадцатым и пятнадцатым строительными ярусами, внутри маленького сруба, имевшего, повидимому, хозяйственное назначение. Место находки медной полоски с латинской надписью — пласт 21,

квадрат 62, глубина ровно 4 м, между тринадцатым и четырнадцатым строительными ярусами, возле нижней стены жилого сруба. Место находки моржовой кости с надписью — пласт 22, квадрат 58, глубина 4,35 м, между пятнадцатым и шестнадцатым строительными ярусами, возле мостовой. Все три эти надписи, по соображениям, изложенным в связи с грамотой № 7, стратиграфически относятся к XII в. Палеографические даты здесь, из-за недостатка надежных букв, не устанавливаются.

Место находки деревянного цилиндра с надписью — пласт 29 (самая верхняя его часть), квадрат 49, глубина 5,64 м, между двадцать третьим и двадцать четвертым строительными ярусами, возле мостовой. Это значительно глубже всех остальных надписей и всех грамот. На этом уровне уже вовсе нет ни стеклянных браслетов, ни печатей. Шиферных пряслиц еще много. Дата лучше всего устанавливается по бусам. Вышеприведенные их списки позволяют говорить, что эта надпись залегает на одном уровне с бусами XI в. и выше бус X в. Поэтому ее можно отнести к XI в., что совпадает с датой, предлагаемой М. Н. Тихомировым.

УКАЗАТЕЛЬ К СЛОВАМ, ИМЕЮЩИМСЯ В ГРАМОТАХ И НАДПИСЯХ

Цифры обозначают номера грамот, цифры с добавлением буквы
(например, 1 н) — номера надписей

<p>А — 1, 8, 9, 4 н.
 ab — 5 н.
 Аекуевъ — 2.
 Бъбороко — 7.
 Без — 10.
 Безатьщине — 3.
 Бела — 2.
 Белке, бел, бели, белоки,
 бело — 1, 2.
 Брату — 5.
 Burgis — 5 н.
 Был — 4.
 В — 9.
 Вабиших (села) — 1.
 Варити, вари, варишь — 3.
 Васильева села — 1.
 Васильви — 9.
 Ваци — 1.
 Вдасть — 9.
 Вельяказ — 2.
 Взав — 4.
 Вези (възи) — 8, везе — 10.
 Воликомо острове — 2.
 Вельюта — 2.
 Вельютовых — 2.
 Вихтимаса — 2.
 Водя — 9.
 Воземута — 2.
 Возми — 3.
 Волоки — 2.
 Выдал — 4.
 Городище — 4.</p> | <p>Гостили — 2.
 Гостяты — 9.
 Грикши — 3.
 Град — 10.
 Грамоте—5, грамоту—10.
 Гривьнь —8, гривны —2 н.
 Гучьку — 8.
 Да — 8.
 Дару — 1, 2.
 Дасть — 5, даял — 9.
 Дать — 5.
 Даял — 9.
 Двор — 4.
 Дво, Дву — 1.
 Дворянину — 5.
 Добре — 9.
 Доеди — 9.
 Домо — 1 н.
 Еванос(к) — 7 н.
 Едши — 8, еде — 10.
 Еже — 9.
 Ему — 3, 8.
 Емья — 24.
 Есифу — 3, Есифа — 5 (?)
 Есмь — 4.
 Еси — 4.
 Есть — 8.
 Же — 9.
 Железного — 4.
 Жену — 9.
 Жидели — 2.
 Жито — 3.</p> | <p>За — 5, 9.
 Збив — 9.
 Землею — 10.
 И — 9, 10.
 Игугморо — 2.
 Ипую — 9.
 Исправи — 4.
 К — 3, 5, 10. Ко — 9.
 Каде(и) — 1.
 Кого — 3.
 Короман — 7.
 Корова, коровь, корову—8.
 Кулици, куницю — 2.
 Лисичь — 7.
 Лопинкова — 2.
 Матфею — 5.
 Ме — 5 н.
 Межу — 10.
 Мене — 4, 9.
 Менова стана — 1.
 Менова села — 1.
 Мень—3 н.
 Мп — 3, 9.
 Мики — 2.
 Миките — 4.
 Мпези — 8 н.
 Молви — 5, молови — 8.
 Мохова села — 1.
 Мъне — 9.
 Мя — 9.
 Мятещи — 2.</p> |
|--|---|--|

На — 2, 3, 4, 5.
Наместа — 2.
Нашего — 5.
Не — 3, 4, 5, 9, 10.
Небо, см. нобо.
Него — 5.
Нем, см. ним.
Непсана — 10.
Ни — 3.
Никита, см. Микита.
Ним. — 10.
Нимь — 9.
Ничьто — 9.
Нобо — 10.
Новую — 9.
Ному — 10.
Ныне — 9.

Овсева села — 1.
Ожалочьши — 8.
Онашьа — 3.
Отець — 9.
Ошвина села — 1.
Он — 3.
Осмь — 7.
Осмнун — 8.
Острове — 2.
От — 3, 4, 6, 9.
Отвечая — 3.
Отъць — 9.

Павлу — 5.
По — 9.
Посол — 10.

Перевары — 3.
Петра — 4.
Петрову — 5.
Пив — 3.
Позема — 1.
Поклон — 3, 6.
Полоть (пололоть) — 1.
Постои — 5.
Поял — 9.
Прислав, прислал — 3.
Пустил — 9.
Пути — 10.

(Р)афанова — 1.
Рекл — 3, 4 (?).
Рж(и) — 1.
Роди — 9.
Росомуха — 2.
Рубль — 4.
Руки — 9.
Руцил — 4.

С — 1, со — 4.
Сам — 10.
Сапозы — 4.
Село (села) — 1.
Седишь — 3.
Сироту — 5.
Скрья — 8 (?)
Смова — 9 н.
Солоду — 1.
Соро, сороко — 7.
Соху даль — 2.
Сочита — 7.

Стана — 1.
Съдаяли — 9.
Сътвори — 9.

То — 9.
Ты — 3, 4.
Три — 1.
Трицать — 1.

У — 2, 4, 7.
Уведался — 4.

Федось — 3.
Филипа — 2, 6.
Фоме — 1, 2.

Харияново село — 1.

Церту — 4.
Цто — 4.

Чья — 8.

Шадрина села — 1.
Шесть — 7.
Шестьдесят — 1.
Шло — 1.

Яз — 3.

Юрги — 4.
Юрищина — 6 н.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты археографической экспедиции, т. I, СПб., 1836
- Грамоты Великого Новгорода — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.
- Ипатьевская летопись — Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871.
- Колесников. Сборник снимков — И. Ф. Колесников. Сборник снимков с русского письма XI—XVIII вв., изд. 2-е, ч. 1, М., 1913.
- Материалы для терминологического словаря — Материалы для терминологического словаря древней России. Составил Г. Е. Кочин. Издательство Академии Наук СССР. М.—Л., 1937.
- Неволин. О пятинах новгородских — К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских. «Записки Русского географического общества», кн. VIII, СПб., 1853.
- Новгородская летопись — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.
- Псковская судная грамота — Псковская судная грамота. СПб., 1914.
- «Русская Правда» — Правда Русская, т. I. Тексты, М.—Л., 1940.
- Русско-ливонские акты — Русско-ливонские акты. СПб., 1868.
- Срезневский. Материалы — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I, СПб., 1893; т. II, СПб., 1902; т. III, СПб., 1912.
- Щепкин. Учебник русской палеографии — В. И. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918.
- Щепкин. Новгородские надписи — В. И. Щепкин. Новгородские надписи граффити. «Труды Московского археологического общества», т. XIX, М., 1904.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
План Новгорода XVIII в. с обозначением места Неревского раскопа	4
Современный план местности раскопа	5
Вертикальная и горизонтальная проекции раскопа с обозначением мест находок всех грамот и деревянной мостовой	7
Грамота первая. Запись о поземе и даре (фотография и прорись)	16
Грамота вторая. Запись о мехах (фотография и прорись лицевой стороны)	22
Грамота вторая. Запись о мехах (фотография и прорись оборотной стороны)	22
Грамота третья. Письмо от Грикши к Есифу (фотография и прорись)	26
Грамота четвертая. Письмо от Микиты к Церту (фотография и прорись)	30
Грамота пятая. Письмо к Матфею (фотография и прорись)	32
Грамота шестая. Письмо от Филипа (фотография и прорись)	36
Грамота седьмая. Письмо о Коромане (фотография и прорись)	36
Грамота восьмая. Письмо о корове (фотография и прорись)	38
Грамота девятая. Письмо от Гостяты к Василью (фотография и прорись)	40
Грамота десятая. Надпись на ободке сосуда (фотография и рисунок ободка и прорись надписи)	44
Надпись (№ 1) на моржовой кости (фотографии верхняя $\frac{2}{3}$ н. в., нижняя увел. в 2 раза)	44
Надпись (№ 2) на деревянном цилиндре (фотография, прорись надписи и рисунок цилиндра)	44
Надпись (№ 3) на деревянной крышке кадушки (фотография и рисунок)	46
Надпись (№ 4) на нижнем венце сруба (фотография, прорись и рисунок)	46
Надпись (№ 5) на медной пластинке (фотография и прорись)	46
Надпись (№ 6) на днище бочки (фотография и прорись)	46
Надпись (№ 7) на аршине (фотография и прорись)	48
Надпись (№ 8) на деревянной колодке (фотография и прорись)	48
Надпись (№ 9) на чаше (фотография и прорись)	48

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение.— <i>А. В. Арциховский</i>	3
<i>М. Н. Тихомиров</i> . Грамоты и надписи	11
Грамоты	13
Грамота первая (№ 1). Запись о поземе и даре	16
Грамота вторая (№ 2). Запись о мехах	21
Грамота третья (№ 3). Письмо от Грикши к Есифу	26
Грамота четвертая (№ 4). Письмо от Микиты к Церту	29
Грамота пятая (№ 5). Письмо к Матфею	32
Грамота шестая (№ 6). Письмо от Филипа	35
Грамота седьмая (№ 7). Письмо о Коромане	36
Грамота восьмая (№ 8). Письмо о корове	38
Грамота девятая (№ 9). Письмо от Гостяты к Василью	40
Грамота десятая (№ 10). Грамота (надпись) на ободке сосуда	43
Надписи	44
№ 1. Надпись на моржовой кости	44
№ 2. Надпись на деревянном цилиндре	44
№ 3. Надпись на деревянной крышке кадлушки	46
№ 4. Надпись на нижнем венце сруба	46
№ 5. Надпись на медной пластинке	47
№ 6. Надпись на днище бочки.	47
№ 7. Надпись на аршине	48
№ 8. Надпись на деревянной колодке	48
№ 9. Надпись на чаше	49
<i>А. В. Арциховский</i> . Стратиграфическая датировка грамот и надписей	51
Указатель к словам, имеющимся в грамотах и надписях.	63
Список сокращений.	65
Список иллюстраций	66

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*

Технический редактор *А. А. Ниселева*

Корректор *Р. Ф. Астафьева*

*

РИСО АН № 8-6В. Т-03112. Издат. № 3654.
Тип. заказ № 1005. Подп. к печ. 31.III 1953 г.

Формат бум. 82×108³/₄ Бум. л. 2.12.

Печ. л. 6,97 + 15 вклеен.

Уч.-издат. л. 3,8+2,2 вкл. Тираж 3000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 6 р. 60 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

Sp. Co.

